

ЦАРСКИЙ ДОМ

М.К. Дитерихс
УБИЙСТВО
ЦАРСКОЙ
СЕМЬИ

Царский Дом

Михаил Дитерихс

**Убийство Царской Семьи и
членов Романовых на Урале**

«ВЕЧЕ»

2007

Дитерихс М. К.

Убийство Царской Семьи и членов Романовых на Урале /
М. К. Дитерихс — «ВЕЧЕ», 2007 — (Царский Дом)

Генерал М.К. Дитерихс (1874–1937) – активный участник Русско-японской и Первой мировой войн, а также многих событий Гражданской войны в России. Летом 1922 года на Земском соборе во Владивостоке Дитерихс был избран правителем Приморья и воеводой Земской рати. Дитерихс сыграл важную роль в расследовании преступления, совершенного в Екатеринбурге 17 июля 1918 года, – убийства Царской Семьи. Его книга об этом злодеянии еще при жизни автора стала библиографической редкостью. Дитерихс первым пришел к выводу, что цареубийство произошло из-за глубокого раскола власти и общества, отсутствия чувства государственности и патриотизма у так называемой общественности, у «бояр-западников». Все это привело к Февралю и Октябрю 1917 года, а затем и к цареубийству. Но подлинная трагедия династии заключалась, по мнению автора, в том, что ей отказал в верности сам русский народ, нарушивший крестное целование, данное на Земском соборе 1613 года.

ББК 63.3(2)612

Содержание

Генерал Дитерихс и его книга	6
Часть I	10
Предисловие	10
Глава I	19
Освобождение Екатеринбурга	19
Белогвардейские заговоры	32
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Михаил Константинович Дитерихс
Убийство царской семьи и
членов дома Романовых на Урале

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

Генерал Дитерихс и его книга

Генерал Михаил Константинович Дитерихс сыграл важную роль в раскрытии преступления, совершенного в Екатеринбурге 17 июля 1918 года, – убийства Царской Семьи. Его книга об этом злодеянии еще при жизни автора стала библиографической редкостью. И неудивительно: книга содержит богатый фактический материал и дает возможность иначе взглянуть на одно из самых трагических событий в истории России.

Михаил Константинович Дитерихс родился 5 апреля 1874 года в Санкт-Петербурге. (Его отец, Константин Александрович, – один из талантливых военачальников времен Кавказской войны). После завершения курса Пажеского корпуса служил в Туркестане. В 1900 году окончил Николаевскую Академию Генерального штаба; служил на штабных должностях в частях Московского военного округа. Первой военной кампанией для Дитерихса стала Русско-японская война. За участие в боях под Ляояном Дитерихс был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (сентябрь 1904 г.). В феврале 1905 года отмечен орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (за «дела» при реке Шахэ, где он постоянно выезжал для связи с соседними частями). За участие в битве под Мукденом (февраль 1905 г.) Дитерихс получил орден Св. Станислава 2-й степени с мечами. Будучи врио начальника штаба 17-го армейского корпуса, Дитерихс, не поддаваясь панике и хаосу, смог организовать планомерный отход частей с мукденских позиций. Война завершилась для него производством в подполковники и награждением орденом Св. Анны 2-й степени с мечами...

Далее Дитерихс служил в Московском, Одесском и Киевском военных округах. Был произведен в полковники; занял должность начальника отделения в Мобилизационном отделе Главного управления Генерального штаба. С началом Первой мировой войны Дитерихс вернулся в Киевский военный округ, став начальником Оперативного отделения штаба Юго-Западного фронта. Этот фронт должен был наносить главный удар по Карпатам и затем по Венгерской равнине; от успеха его операций во многом зависел успех всей войны. С осени 1914 года Дитерихс занимал должности врио генерал-квартирмейстера штаба фронта, и.о. начальника штаба, затем генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии; с марта 1915 г. – и.о. генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта.

Но вместо ожидаемого наступления русских армий по всему фронту последовал страшный контрудар австро-немецких войск – так называемый Горлицкий прорыв. Генерал-квартирмейстерская часть Юго-Западного фронта делала все возможное, чтобы задержать противника. Дитерихс принимал, анализировал донесения от различных воинских частей, стремился наладить оперативное взаимодействие различных частей фронта, провести отступление максимально планомерно. Высочайшим Указом от 28 мая 1915 года «за отличную службу и труды военного времени» Дитерихс был произведен в генерал-майоры. А 8 октября 1915 года «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий» он был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами.

В декабре 1915 года командование армиями Юго-Западного фронта принял генерал-адъютант А.А. Брусилов. Он поручил Дитерихсу разработку планов контрнаступления Юго-Западного фронта в 1916 году, которое войдет в историю как Брусиловский прорыв. Правда, увидеть результаты своего плана Михаилу Константиновичу не довелось. В мае месяце, в разгар боев, было объявлено, что генерал-майор Дитерихс отправляется к новому месту службы – на Салоникский фронт, где ему предстояло стать начальником 2-й Особой пехотной бригады, входившей в состав межсоюзнических воинских контингентов на Балканах. За бои под городом Монастырь Дитерихс получил орден Св. Владимира 2-й степени с мечами, а также удостоился высшей награды Франции – ордена Почетного легиона.

Летом 1917 года Дитерихс вернулся в Россию. Его встретила уже совершенно другая страна – опьяненная дурманом послефевральской «свободы». Широко разрекламированное июньское наступление окончилось полным провалом. Все разваливалось прямо на глазах, различные политические силы стремились перетянуть военных на свою сторону. Между тем при Временном правительстве Дитерихс успел получить заметное повышение по службе: чин генерал-лейтенанта и должность генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего (сентябрь 1917 г.). Из-за развала фронта военные задачи становились весьма отдаленными, важнее было подготовиться к борьбе против «внутренних врагов». После большевистского Октябрьского переворота, бегства Керенского с поста главнокомандующего, коротких переговоров с Совнаркомом Дитерихс, не желая иметь ничего общего с новой властью, приказом по Управлению сложил с себя обязанности генерал-квартирмейстера (8 ноября).

Следующий этап деятельности Дитерихса связан с Чехословацким корпусом. В ноябрьские дни 1917 года части корпуса вели бои в Киеве. Дитерихс тогда принял должность начальника штаба корпуса. После подписания большевиками Брестского мира с Германией началась эвакуация корпуса по Транссибирской магистрали. Следуя с головным эшелоном корпуса, Дитерихс прибыл в начале июня 1918 года во Владивосток. Вскоре город был очищен от сторонников советской власти. Одновременно образовалась специальная Владивостокская группа, командование которой принял Дитерихс. Группа начала продвигаться по линии Транссиба, имея стратегическую задачу – объединиться с частями Чехословацкого корпуса в Сибири и формированиями забайкальских казаков под командованием полковника Г.М. Семенова и Сибирской армии полковника А.Н. Пепеляева. После ряда боев с красными частями к концу августа Владивостокская группа соединилась с Восточной группой, сражавшейся в Забайкалье. Было создано единое командование Дальневосточной группы.

В октябре Дитерихс приехал в Уфу, где начинала свою работу Директория – первое все-российское правительство антибольшевистских сил. Но век ее оказался недолгим. 18 ноября 1918 года в Омске Совет министров призвал вице-адмирала А.В. Колчака к власти Верховного правителя России. Директория была свергнута, и высшая власть на территории белой России отныне принадлежала одному лицу. После объединения всех имевшихся вооруженных сил был создан Западный фронт в составе Екатеринбургской, Камской и Самарской групп белых армий, а также союзных им чехословацких, сербских и других частей, воевавших на Урале. Михаил Константинович Дитерихс с января до середины февраля 1919 года был начальником штаба фронта, планируя операции на Уфимском направлении, а затем врид командующего фронтом. А в ноябре-декабре 1918 года он возглавлял располагавшуюся в Челябинске генерал-квартирмейстерскую часть.

Специальным предписанием Верховного правителя от 17 января 1919 года на Дитерихса возлагалось «общее руководство по расследованию и следствию по делу об убийстве на Урале Членов Августейшей Семьи и других Членов Дома Романовых». Почему руководить расследованием стал именно Дитерихс? Во-первых, в связи с расформированием Западного фронта и созданием на его основе трех отдельных армий генерал оставил свои фронтовые обязанности. Во-вторых, Колчаку были известны как монархические симпатии Дитерихса, так и его невероятное трудолюбие, стремление скрупулезно вникать во все детали порученного дела. Уже 2 февраля, после предварительного ознакомления с материалами следствия, Дитерихс доложил Колчаку, что расследование необходимо систематизировать, разбить следственные действия на ряд отдельных направлений. В качестве человека, способного профессионально разобраться в обстоятельствах дела, Дитерихсу был представлен недавно перешедший линию фронта судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда Н.А. Соколов. 2 февраля Соколов был представлен Колчаку, и с 6 февраля ему поручалась непосредственная работа по ведению расследования.

Получив новое назначение и отправляясь на фронт, Дитерихс продолжал контролировать ход следствия. При его содействии Соколов получил специальный вагон, в котором жил и работал на станции в Екатеринбурге. К работе периодически подключались офицеры контрразведывательного отделения Восточного фронта. Раскопки в лесу и их охрану выполняли солдаты Сибирской армии. Всего же в следствии принимали участие более тысячи человек. По инициативе Дитерихса в начале июня начались раскопки непосредственно на Коптяковской дороге, в урочище Ганина Яма. Раскопки шли вплоть до сдачи Екатеринбурга красным войскам в июле месяце (почти через год после гибели Царской Семьи!).

В июле – ноябре 1919 года Дитерихс занимал должность Главнокомандующего армиями Восточного фронта (а с августа выполнял также обязанности военного министра). Однако численное превосходство красных не позволяло остановить их продвижение на восток. Колчак не принял план Дитерихса, предлагавшего отвести войска в тыл, за Иртыш (даже ценой потери Омска), чтобы пополнить их, дать им отдохнуть, а затем нанести удар по противнику из глубины одновременно и на широком фронте.

После поражения адмирала Колчака и фактического разгрома Белой Сибири Дитерихс выехал в Харбин. Чувство долга перед памятью Царя-Мученика побудило Дитерихса незамедлительно приступить к работе над книгой, основанной на имевшихся у него копиях материалов следствия. В течение 1920–1921 годов он написал свой труд «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале» (издан в 1922 г. во Владивостоке). Дитерихс первым пришел к выводу, что цареубийство произошло из-за глубокого раскола власти и общества, отсутствия чувства государственности и патриотизма у так называемой «общественности», у «бояр-западников». Все это привело к Февралю и Октябрю 1917 года, а затем и к цареубийству. Но Дитерихс отнюдь не стремился переложить всю вину на деятелей Временного правительства, не искал корни некоего «масонского заговора». Трагедия династии заключалась, по его мнению, в том, что ей отказал в верности сам русский народ, нарушивший крестное целование, данное на Земском соборе 1613 года. Народу заморочили голову демагогией, распространяемой сперва «боярами-западниками», а затем левыми радикалами-большевиками. Если бы русский народ сохранил верность клятве 1613 года и оттолкнул от себя демагогов типа Милюкова, Ленина, Троцкого, то можно было бы избежать революционных потрясений и цареубийства.

Летом 1922 года Южное Приморье оставалось единственной свободной от большевиков территорией России. Правительство братьев Меркуловых решило распустить Народное собрание и предложило найти способы к наибольшему объединению всех национальных сил. Выбор тех, кому можно было передать власть, возлагался на Земский собор – представительный орган, созванный не по партийно-политическому, а по сословно-профессиональному признаку. Необходимо было назначить и нового командующего войсками. Выбор пал на Дитерихса; в Харбин была послана телеграмма, подписанная генералами-белоповстанцами. Михаил Константинович немедленно согласился и 8 июня, прибыв во Владивосток, вступил в должность командующего войсками и флотом.

23 июля открылись заседания Земского собора. Было решено, что национальную государственность должен возглавить «Верховный правитель из членов династии Дома Романовых». Впервые за всю историю Белого движения Дом Романовых был признан царствующим! На протяжении пяти лет, начиная с марта 1917-го, вопрос о форме правления в России откладывался до решения Учредительного Собрания. Все белые правительства, и даже сам Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак, стояли на позициях «непредрешения», главной задачей считая борьбу с большевизмом и прекращение междоусобицы. Ввиду невозможности прибытия представителей Дома Романовых во Владивосток следовало избрать правителя Приамурского края. 8 августа на заседании Земского собора им был провозглашен генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс. В Указе правитель повелел Приамурское государственное образование именовать Приамурским Земским краем. Отдельным приказом все имевшиеся

войска переименовывались в Земскую рать, а генерал Дитерихс становился воеводой Земской рати.

Но силы оказались неравными – красные успешно наступали. 26 октября 1922 года Владивосток – последний оплот традиционной русской государственности – был оставлен белыми войсками. В октябре – начале ноября из Владивостока морем и через границу у Посьета на чужбину ушли примерно 20 тыс. человек. Теперь в России уже не осталось ни белых столиц, ни белых правителей. И только Сибирская добровольческая дружина генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева вела безнадежную борьбу в Якутском крае до июня 1923 года.

В эмиграции Михаил Константинович все свои силы продолжал отдавать делу непримиримой борьбы с большевизмом. Наибольшую известность получила деятельность Дитерихса на посту председателя Дальневосточного отдела Русского общевойинского союза (РОВС), а также председателя Урало-Приморской группы Русского общевойинского союза. Скончался Михаил Константинович Дитерихс 8 октября 1937 года. Похороны собрали сотни человек – почти весь «русский Шанхай» пришел проститься с генералом.

*Павел Руднев,
зав. редакцией исторической литературы*

Часть I

Предисловие

Кошмарное лето пережило население Европейской России в 1918 году. Насилия, расстрелы, массовые зверские убийства, кровавый террор царили повсеместно и заливали кровью обширные районы территории царства пятиконечной звезды советской власти. Власть эта в своей жестокости и кровожадности, казалось, не имела предела, не делала никаких различий: ее насилиям и угнетениям подвергались все классы, все сословия, все возрасты и полы; расстреливались старцы, расстреливались юноши, насиловались женщины, раскраивались головы детей; истреблялись буржуи, истреблялись и разные нежелательные советской власти политические и общественные деятели, но истреблялись массами, семьями и самые обыкновенные обыватели, крестьяне и рабочие, представителями чьей власти выставляли себя большевистские главари.

Эти ужасы, эти потоки крови, залившие города, села и деревни нашей несчастной родины, совпали с тем временем, когда в Центральной России, в Москве, сильно колебалось положение руководителей центральной советской власти и совокупность внешних и внутренних обстоятельств предвещали Ленину и Бронштейну-Троцкому возможность наступления конца их эксперимента и царствованию в России.

На востоке надвигались к Волге и Уралу сибирские и чехословацкие войска; с севера начинал угрожать англо-русский фронт; на юге поднялись Оренбуржцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы и Донцы и собирались добровольцы генералов Алексеева и Корнилова. Разочарованное в результатах Брестского договора германское военное командование снова перешло к военным действиям, и, победоносные в то время в Европе, германские войска возобновили наступление с северо-запада, а на Украине утвердили силою своих штыков гетманскую власть генерала Скоропадского.

Внутреннее состояние страны было не менее угрожающим: национализация, насильственные реквизиции, контрибуции и просто беззастенчивый и бесцеремонный грабеж хлеба, скота, продовольствия, товаров, ценностей и имущества советским управлением и организациями возбудили общий ропот и недовольство народных масс. Поднялись, хотя и частичные, но многочисленные восстания «зеленых банд», появились повстанческие движения инородцев, бродили повсюду шайки отчаянных и лихих партизан, нарушая транспорт, подвоз к центрам нагнанного в деревнях продовольствия и выработанного на заводах топлива и тем обостряя положение и настроение населения в самих столицах. Общее возмущение нарастало, и работавшие в подпольях противные политические партии всех платформ и направлений получили возможность готовиться к серьезным шагам в своей идейной борьбе против узурпаторов власти и насильников народа.

С другой стороны, немецкая политика, как внешняя, так и внутренняя, подпавшая под влияние легкомысленных генералов, опиравшихся на армию, идя слепо в поводу шовинистского класса, начинала душить своих ставленников в Москве, Ленина и Бронштейна, требуя выполнения экономических условий договора, заключенного с ними Людендорфом и Гофманом и щедро оплаченного золотом императорского Германского банка. Казалось, в Москве наступал тот момент, когда немецкое военное командование устами Мирбаха собиралось сказать главарям своей политической армии, привезенным в Смольный институт из Швейцарии в запломбированном вагоне: «Довольно! Вы исполнили то, за что вам было заплачено: вы посеяли, а пожнем мы теперь уже сами». И так как «привезенные главари» вовсе не разделяли взглядов немецкого командования на самих себя, то к внутренней борьбе с народными вос-

станиями, к борьбе со своими внутренними и внешними политическими противниками грозила присоединиться еще и внутренняя война с немцами, все еще считавшими себя хозяевами положения и свободными распорядителями судьбою купленных рабов.

На общий взгляд, положение заправил всяких «Циков», «Комов», «Чеков» и прочих многочисленных условных организаций царства пятиконечной звезды близко было к безнадежному. В их тайных совещаниях Ленин высказывался довольно определенно: «Пора уходить». С ним были солидарны и его последователи из российских. В них еще не изжилась неудача июльского выступления 1917 года, с той разницей, что тогда они не успели достигнуть власти и для известной части народной массы сохранили ореол своих ложных лозунгов, а теперь все население в достаточной степени ощутило на себе сущность их власти, и они понимали, что, конечно, им не удалось так легко выйти из положения, как вышли они тогда. Поэтому в своей верховной деятельности Ленин готов был идти на всевозможные уступки требованиям момента, на смягчение общего режима, на сотрудничество с буржуями-специалистами, на эволюционирование коммунистических принципов – словом, на все то, что могло привести или к более благоприятному разрешению вопроса личного спасения, или на все то, от чего впоследствии можно было бы легко отказаться, объяснив ловким политическим маневром.

Но именно в это критическое время Бронштейн-Троцкий выявил себя противником Ленина и его уступчивости. Вместе со своими приверженцами, изуверами своего племени, составлявшими добрых три четверти всех высших административных органов советской власти, подкрепленными интернациональными и карательными бандитскими отрядами, Бронштейн твердо и категорически высказался против каких-либо уступок и послаблений. Его речи этого времени на собраниях коммунистической партии и заседаниях ЦИК дышат ядом и насмешками над положениями Ленина, и весь смысл их сводится к тому, что ни шагу назад ни при какой обстановке делать нельзя, а ответом на текущий момент с их стороны должны быть беспощадный террор, огонь, меч и пытка. Во временных неудачах, в создавшемся катастрофическом положении Бронштейн отнюдь не склонен был видеть окончательного провала своей власти, и если теперь по каким-либо причинам она колебалась, то, по-видимому, он имел в виду, главным образом, использовать время своей власти для того, чтобы подготовить и обеспечить победу в будущем. Свою власть и подготовку окончательной победы он понимал, конечно, так, как вытекали они из существа натуры и мировоззрения Бронштейна, а не Ленина.

Вот в этой идее подготовки положения для будущей победы в связи со всей сложившейся обстановкой, мне думается, заключались главным образом причины тех массовых, невероятных по зверству, с явными отпечатками изуверства убийств, которые были совершены советскими деятелями в лето 1918 года и составили в истории России и всего мира эпоху сплошного кровавого кошмара. Нельзя забывать, нельзя закрывать глаза на то, что особенному гонению и жестокости в этот именно период подвергся православный, духовный мир России: церковь национализировалась; храмы обращались в помещения для митингов; иконы были обложены налогами, преподавание Закона Божьего в школах запрещено, а на дому родителей преследовали за обучение детей молитвам; над святынями кощунственно надругивались, обряды высмеивались, и основы христианского духовного мировоззрения отвергались печатно в брошюрах и на многочисленных митингах. Это не фразы, не голословное обвинение; желающие могут найти документальное подтверждение этих обвинений в обширном труде международной комиссии, создавшейся в Омске в январе 1919 года и произведшей подробное обследование в Перми и уездах Пермской губернии после изгнания из ее пределов большевиков. Сотни лиц духовного звания, монахов, монашек были расстреляны агентами Бронштейна, удушены и утоплены в прорубях реки Камы. Среди погибших известны: архиепископы Гермоген, Андроник и Василий; епископы Феофаний и Матвей; архимандриты Матвей и Варлаам; протоиереи Пьянков, Сабуров, Стамбиков, Киселев, Преображенский, Конюхов, Будрин, Бельтюков и Яхонтов; священники Широкинский, Горяев, Белозеров, Соколов, Калашников,

Плотнев, Ершов, Савелов, Вяткин, Бояршинов, Якимов, Посохин, Наумов, Конюхов, Камкин, Попов, Юганов, Аристов, Малиновский, Накаряков, Онянов, Махетов, Кузнецов, Белов, Осетров, Рождественский, Швецов, Антипин, Мацевский, Алексеев, Луканин, Никифоров, Колчин, Орлов, Денисов, Лавров, Анишкин, Шестаков, Решетников и Тарасов; иеромонахи Вячеслав, Сергей, Иосиф и Иоанн; диаконы Кашин, Воскресенский, Ипатов, Смирнов и Решетников; иеродиакон Виссарион, Михей, Евфимий – и это все только по Пермской епархии. А сколько еще окажется потом в других районах и епархиях!

Расскажите любому нравственному человеку какого угодно верования об этих гонениях Православной Церкви, покажите ему список перечисленных выше жертв, павших за исповедание православных догматов, и спросите его, какая же это борьба унесла столько служителей Церкви?

Думается, что, не колеблясь, каждый честный человек ответит: борьба религиозная.

Советская власть, приняв лозунги Бронштейна, став на путь подготовки положения для победы в будущем, хорошо сознавала, что одним из устоев русской народной массы является ее Православная Церковь, ее преданность христианскому учению и глубокая, историческая любовь и привязанность к своей религии. Как масса малокультурная, русский народ способен временами, под влиянием случайных обстоятельств, терять критерии добра и нравственности и падать в невероятную бездну саморазрушения и оплевания своего настоящего существа. Однако падение такое в прошлом было всегда сравнительно кратковременным, и небольшой толчок, толчок именно духовного характера, быстро выносил его из бездны и выводил нравственно очищенным снова на арену христианской жизни.

Подорвать эти-то устои, предотвратить на ближайшее время духовное пробуждение – вот идеи, которые руководили советскими главарями в проведении плана обеспечения победы в будущем.

И в ряду злодейств, совершенных в этот период большевиками для достижения указанной цели, особо исключительными по зверству и изуверству, полными великого значения, характера и смысла для будущей истории русского народа, являются убийства в это кошмарное лето:

1) В Екатеринбурге: бывшего Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ, бывшего наследника Цесаревича АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА, Великой княжны ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ, Великой княжны ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ, Великой княжны МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ, Великой княжны АНАСТАСИИ НИКОЛАЕВНЫ;

2) В Алапаевске: Великой княгини ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕОДОРОВНЫ, Великого князя СЕРГЕЯ МИХАЙЛОВИЧА, князя ИОАННА КОНСТАНТИНОВИЧА, князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА, князя ИГОРЯ КОНСТАНТИНОВИЧА, графа ВЛАДИМИРА ПАЛЕЯ (сын Великого князя Павла Александровича);

3) В Перми: Великого князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА и других, о которых до нас не дошли еще сведения.

Вместе с упомянутыми членами Дома Романовых были убиты избранные большевиками ближайшие им лица Свиты, оставшиеся до конца верными своему долгу. Так, погибли: фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, гофлектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев, гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков, секретарь Джонсон, комнатная девушка Анна Степановна Демидова, сестра Варвара, управляющий Петр Федорович Ремез, дядька Клементий Григорьевич Нагорный, камердинер Иван Дмитриевич Седнев, камердинер Алексей Егорович Трупп, повар Иван Михайлович Харитонов, камердинер Василий Федорович Чельшев и, вероятно, много других, о которых тоже до нас не дошли еще сведения.

Из всех перечисленных злодеяний только об убийстве бывшего Государя Императора советскими властями было объявлено официально, причем акт этот был представлен обществу как народная казнь, совершенная над «коронованным палачом» по приговору Уральского областного совдепа. Об остальных же совершенных злодеяниях советской власти не только умолчали и скрыли от народа, но постарались прикрыть их лживыми заявлениями и инсценировкой побегов и похищений. Так, в отношении членов Царской Семьи было объявлено, что «жена и сын» отправлены в надежное место, а о Великих князях вовсе ничего не упоминалось. Когда почти через год убийство выплыло наружу, то советские главари использовали его для провоцирования своих политических соратников в Москве, левых социалистов-революционеров, и инсценировали целый процесс, стремясь представить дело как попытку левых эсеров дискредитировать советскую власть. В качестве обвиняемых были привлечены какие-то Яхонтов, Грузинов и Малютин – члены Екатеринбургского совдепа, Мария Апроскина и Елизавета Миронова и девять красноармейцев. Все эти лица были признаны виновными, приговорены к расстрелу и расстреляны.

Категорически утверждаю, что перечисленные по фамилиям лица в расстреле Царской Семьи не участвовали.

В отношении убитых в Алапаевске Великой княгини, Великого князя, князей и остальных лиц, содержавшихся в Напольной школе, советские власти объявили, что они все похищены какой-то белогвардейской бандой, напавшей на охрану. Дабы заставить окружающее население поверить этому вымыслу, большевики уже после совершения убийства разыграли провокационное сражение с мнимым противником, а для большей убедительности пристрелили содержавшегося в арестном доме за пьянство мужичка и, перетащив его тело к школе, выдали труп за одного из убитых ими белогвардейцев.

Такой же провокационный слух о похищении белогвардейцами был распушен большевиками и в отношении Великого князя Михаила Александровича; в действительности же он был уведен и убит тремя членами Мотовилихинской чрезвычайки.

Все это указывает, что убийству Августейшей Семьи и членов Дома Романовых советские власти придавали чрезвычайно важное значение в деле подготовки для себя будущей победы, но, с другой стороны, уже тогда боялись народа и усиленно распускали в нем сведения, что Царская Семья вывезена в Германию. Народ и сейчас во многих местах не верит в расстрел бывшего Государя, и по России ходит легенда о том, как он скрывается, переодетый простым мужиком, в деревнях Сибири и появится снова на своем троне, когда народ очистит Россию от генералов и буржуев, свергнувших его с престола. «Тогда, – говорит мужик, – будут Царь и народ и между ними никого не будет». И вот этого второго устоя русского народа, устоя, созданного самим народом в своей бытовой идеологии, Бронштейн и Ленин боятся не меньше, чем устоя религиозного. Народ до правды доходит больше инстинктом; умственные рассуждения массе еще не доступны. И после свержения Царя народ чувствует, что правое дело не на стороне тех, кто свергал Царя и кто после него стал править землей.

Вот почему главари советской власти так старательно скрывают, что убийство Царя и Царской Семьи было сделано по их приказанию.

С нашей стороны официального правительственного сообщения об убийстве большевиками Августейшей Семьи и других членов Дома Романовых до настоящего времени не последовало. Вероятно, пройдет еще немало времени, когда будущая национальная русская власть, опираясь на результаты следственного производства, сможет оповестить мир о небывалой трагедии, разыгравшейся летом 1918 года на Урале, и особенно о кошмарном злодеянии, совершенном Бронштейном, Лениным, Янкелем Свердловым и Исааком Голощекиным в Екатеринбурге, в доме Ипатьева, в ночь с 16 на 17 июля по новому стилю.

Появлявшиеся в нашей печати в разное время частные извещения, заметки, статьи и даже отдельные книги трактовали о судьбе, постигшей членов Царской Семьи и других членов

Дома Романовых, чрезвычайно различно; некоторые, преимущественно черпавшие сведения из-за границы, отличались полным вымыслом и фантазией; другие – в зависимости от личных впечатлений авторов или степени из знакомства с фактической стороной дела – приближались к истине, но, конечно, не могли возместить отсутствие опубликования официальных следственных данных. Такое положение часто давало пищу для ошибочно-неправильных или даже умышленно ложных заключений по вопросу исключительной важности для русского народа.

В начале февраля 1919 года покойный Верховный правитель адмирал Колчак имел определенное намерение опубликовать официально о всех убийствах членов Дома Романовых, совершенных большевиками на Урале летом 1918 года. Это сообщение, нося совершенно объективный характер и констатируя только факт происшедших злодеяний, должно было быть выпущенным как акт правительства, для ознакомления которого с делом судебным следователем Соколовым по приказанию Министра юстиции Старынкевича была составлена краткая сводка документальных данных с упоминанием в ней только для членов правительства таких материалов, которые по нашим законам до окончания следствия ни в коем случае опубликованию не подлежали. Такого рода справки для генерал-прокуроров (каковым является Министр юстиции) в течение самого следственного производства законом установлены.

К сожалению, некоторые из лиц тогдашних высших сфер Омска, ослепленные узкой партийной борьбой между собой, решили использовать намерение адмирала Колчака для своих целей. Управлявший в то время делами Совета Министров Тельберг без ведома Министра юстиции взял из ящика его письменного стола приготовленную Соколовым секретную справку и передал ее в редакцию газеты «Заря», которая на следующее же утро поместила ее полностью на страницах газеты. Верховный правитель приказал немедленно конфисковать еще не успевшие разойтись в розничной продаже номера; но дело было сорвано, шум поднялся невероятный, и адмирал Колчак был вынужден отказаться от идеи «официального правительственного сообщения».

Тем не менее можно думать, что теперь едва ли кто сомневается в самих фактах совершившихся на Урале убийств и, в частности, в факте убийства в Екатеринбурге именно всех членов Царской Семьи, а не одного только бывшего Государя Императора, как о том сообщали советские власти. Но как раньше, так и теперь, едва ли русское общество в массе, а тем паче – весь мир, имеют определенное сознание и суждение о том, кто были в действительности прямыми вдохновителями и руководителями этих кошмарных преступлений, а кто являлся косвенными виновниками их совершения? Были ли эти убийства случайными злодеяниями исключительно местных властей или инициатива их исполнения исходила свыше, от центра, и, наконец, какими целями и замыслами руководились главари убийств в их ужасных, нечеловеческих деяниях как при совершении самих убийств, так и в отношении сокрытия тел своих жертв?

Покойный верховный правитель, сознавая историческое значение убийства членов Дома Романовых, решил расширить характер исследования этих преступлений, приблизив его по существу к практиковавшимся в особо важных случаях дореволюционного времени сенаторским следствиям; к этому побуждали его и те трения революционного времени, которые следственное производство встречало на месте в различных партийных и классовых распрях общественных, политических и военных деятелей, а равно и вообще неудовлетворительное само по себе первоначальное предварительное следствие, ведшееся следователями Екатеринбургского окружного суда.

17 января 1919 года адмирал Колчак возложил на меня общее руководство по расследованию и следствию по делам об убийстве на Урале членов Августейшей Семьи и других членов Дома Романовых. Я получил приказание расширить рамки производившегося в то время предварительного следствия по этим делам, не ограничиваясь узко только юридической стороной дела, но направляя общее исследование в целях освещения вопроса также с историче-

ской и национальной точек зрения. Специально для ведения предварительного следствия мне был придан судебный следователь по особо важным делам **Николай Алексеевич Соколов**, а для выполнения требований следственного производства по розыскам и раскопкам моим помощником был назначен начальник Военно-административного управления Екатеринбургского района генерал-майор **Сергей Алексеевич Домантович**.

Предоставление расследованию широких рамок, в связи с чрезвычайно талантливым и идейным ведением Соколовым самого следственного производства, позволило осветить эту мрачную и кровавую страницу истории русского народа в пределах полноты и ясности, допущавшихся тем временем. Оставление нами в начале июля Екатеринбурга и Пермской губернии не дало возможности довести следствие до тех результатов, когда можно было бы поставить окончательную точку и сказать, что дело кончено. Нет, расследование и само следствие далеко не кончены, а в историческом и национальном отношениях, думается, нельзя было даже и мечтать его кончить, так как разработка этих вопросов до абсолютной полноты и точности требует не месяцев и годов, а целых десятилетий, и иногда очень многих.

За последнее время преимущественно за границей появилось несколько серьезных печатных трудов, основанных частью на воспоминаниях, а частью и на некоторых официальных документах следствия, об убийстве большевиками в Екатеринбурге членов Царской Семьи. В Америке появилась книга упоминавшегося выше Тельберга, бывшего в Омске управляющим делами Совета Министров; в Англии издана книга Вильтона, корреспондента газеты «Таймс», проводшего все время при следственных работах на Урале; во Франции изданы записки Жильяра, бывшего воспитателя наследника Цесаревича Алексея Николаевича; в Пекине издана книга игумена Серафима, сопровождавшего тела убитых в Алапаевске Великой княгини и Великих князей при перевозке их из Алапаевска сначала до Читы, а затем до нашей Духовной миссии в Пекине. Располагая некоторыми официальными документами следствия, авторы имели возможность передать картину самого злодеяния с достаточной полнотой. Но нельзя делать таких вещей, как позволил себе игумен Серафим. В труде, преследовавшем цель дать не только фактическое изложение событий, но и характеристику Августейших мучеников на основании документальных данных, он, без всякой оценки и проверки правдоподобности, выписывает из советских «Известий» помещенное в них письмо, якобы написанное Государем Ленину, и оставляет читателя в убеждении, что это письмо действительно принадлежит перу покойного бывшего Царя. Очевидно, игумен Серафим хотел использовать этот документ как официальное подтверждение тех скверных условий, в каких содержалась Царская Семья в Екатеринбурге; но ведь вся книга игумена Серафима направлена на идейную борьбу с проводниками идей большевизма; как же можно пользоваться для своей борьбы оружием, взятым из противного лагеря, не убедившись в силе этого оружия? Ведь противники игумена Серафима прекрасно знают, что это письмо ими самим изобретено, как и много других документов, о которых будет сказано в своем месте.

Как перечисленные выше авторы, так и большинство остальных авторов вышедших до настоящего времени заметок, воспоминаний и повествований ограничиваются при указании убийц обыкновенным стереотипным наименованием их – «большевики», а само убийство относят к характеру одного из тех, хотя и выдающихся, но многочисленных рядовых убийств, которыми вообще ознаменовали большевики свою власть в России. Кроме того, большинство авторов ограничиваются простым констатированием факта зверского убийства, не выходя из рамок исследования его, как всякого другого зверского преступления, совершенного советскими деятелями в период того лета, с точки зрения установления преступности физиономии той государственной власти, которая возымела дерзость выдавать себя за народную, демократическую власть.

Только в трудах Вильтона и Жильяра впервые в изложении тяжелой кровавой драмы, разыгравшейся в стенах дома Ипатьева, во-первых – зазвучали нотки душевного отношения

и внимания к самим жертвам этой исторической драмы и, во-вторых, быть может, только инстинктивно убийство это выдвигается из ряда обычных большевистских злодеяний той эпохи на степень события национального значения для русского народа.

Вильтон и Жильяр, хоть и иностранцы, но, проживая подолгу в России и среди русского народа, как люди чистые и чуткие сердцем, как люди, глубоко и искренно любившие русского человека, наконец, как люди наблюдательные и искренние по натуре, – переживая с русским народом трагедию его разложения, революции и бездны, – почуяли инстинктом и сердцем правду: эти убийства совершенно исключительны, и не только для русского народа, но и для всего мира.

Мир часто не видит правды, не хочет правды и не любит правды; по некоторым вопросам он настолько боится правды, что напоминает страуса, прячущего в маленькую ямку голову и думающего, что если он не видит, то и его никто не видит; иногда ложный страх перед правдой так велик, так безумно страшен, что мир сам начинает разрушать свое, близкое, дорогое, сознательно идет по линии разрушения, только чтобы не подумал кто-то, что он видит правду, понимает ее и ненавидит источник этой правды. Заставить мир убедиться в правде – это задача, кажется, бесцельная.

Но, к счастью, мир наполнен неодинаково мыслящими людьми: есть люди, и особенно богата ими Россия, где христианская вера научила сердцем воспринимать правду и идти к ее свету и свободе не ветхозаветным законом еврейства – «Око за око и зуб за зуб», а великой заповедью Христа – проповедью Евангелия любви. Этим людям посвящаю я и мои записки.

Убийства членов Царской Семьи и других членов Дома Романовых представляются убийствами совершенно исключительными.

Это не были зверские убийства возмущенной толпы, разъяренной черни, ибо русский народ участия в них не принимал.

Это не казнь коронованных особ, которую знает история революций, ибо все совершилось без всякого суда и без участия народа.

Это даже не изуверское истребление, как в былые времена, язычником Нероном первых мучеников христианства, ибо Нерон из своих зверств устраивал зрелища для народа, а не скрывал от него и не боялся его.

Это было уничтожение советской властью намеченных жертв в определенный, по особым обстоятельствам, период времени: июнь – июль 1918 года.

Это были преступления идейные, фанатичные, изуверские, но совершавшиеся скрытно, в тайне, во лжи и обмане от христианского русского народа.

Это было планомерное, заранее обдуманное и подготовленное истребление членов Дома Романовых и исключительно близких им по духу и верованию лиц.

Прямая линия династии Романовых кончилась: она началась в Ипатьевском монастыре Костромской губернии и кончилась – в Ипатьевском доме города Екатеринбурга. Новое восшествие на российский престол кого-либо из оставшихся в живых членов боковых линий Дома Романовых, конечно, может случиться, но не как выдвижение кандидата какой-либо политической партией, группой или отдельными лицами, а только постановлением будущего Всероссийского земского собора. Во всяком случае, убийство бывшего Императора Николая II и Его Августейшей Семьи в связи с убийством и других членов Дома Романовых составляет историческую эру. Из этого одного уже вытекает, что убийства эти не могут быть отнесены к характеру обыденных, зверских, очередных убийств, совершенных теми или другими «случайными» большевистскими деятелями, а имеют свою великую, глубокую, национальную и духовную историю в прошлой жизни русского народа и будут иметь и великое воспитательное, созидательное и государственное будущее для всей России, а возможно, и для всего мира.

Мы знаем, что активным выступлением русской интеллигенции, при пассивном отношении народной массы, Дом Романовых был свергнут с российского престола в феврале 1917 года, но на жизнь его членов рука наша не поднялась.

Мы знаем, что Германия не смогла одолеть своих противников в честном, открытом бою; тогда, не брезгая средствами борьбы, она бросила на наш фронт и тыл подлейшее из орудий борьбы, ужаснейший из ядов – яд политический, яд большевизма, заразу анархии. Но сама стала жертвой нанятых ею для этой борьбы рабов.

Мы знаем, что народ советской России и до сих пор не знает, что совершили его властелины; какие кровавые, зверские преступления навязаны ему ныне историей и волей его теперешних вождей. Но мы знаем и то, что над Романовыми не было народного суда, и вожди не посмели прибегнуть к нему для своих целей.

Кто же были эти большевики, которых называют убийцами членов Дома Романовых? Кто были эти холопы и наймиты, которые не только ослушались своих хозяев – немецкого Генерального штаба, но оказались и хитрее его, и подлее его, и сильнее немецкого народа, и уж конечно беспринципнее и безнравственнее его?

Дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы составляло задачу следствия. Н. А. Соколов имел в своем распоряжении всего пять месяцев работы, то есть с 7 февраля, дня его назначения, до 10 июля, когда следствие пришлось прервать ввиду приближения к Екатеринбург большевиков и оставления нами этого района. Тем не менее собранный им материал дает основание неоспоримо установить факт совершенных убийств в Екатеринбурге, Алапаевске и Перми всех упомянутых выше членов Дома Романовых и осветить в достаточной мере те предположения, на которые наткнулось следствие в отношении того, что предприняли руководители преступления, чтобы скрыть тела убитых в Екатеринбурге бывшего Государя Императора и его Августейшей Семьи, и какой способ сокрытия тел был ими применен. Далее следствию с достаточной доказательностью удалось установить данные для суждения о том, кто были руководителями и прямыми исполнителями всех этих преступлений, и собрать некоторый материал для выводов о косвенных виновниках трагической гибели членов Дома Романовых.

Попытка свести материал по расследованию и некоторые мысли, возникавшие во время хода работ по изучению истории и характера преступления и преступников, составляет предмет 1-й и 2-й частей этой книги, а в 3-й части будет сделан опыт исторического и национального исследования причин, цели и следствия этой трагической страницы в истории русского народа.

Исследование отнюдь не предполагает касаться критики деятельности покойного бывшего Государя Императора как правителя и как Царя. Моральное право суждения династических правителей принадлежит только Всемогущему Богу, бесстрастной истории и суду народной совести в лице таких учреждений, как Земский собор.

С политически-гражданской точки зрения в мире бывают цари, которые по своей натуре призваны царствовать, но бывают цари, которые по своей натуре призваны быть мучениками царствования. Ко вторым относится и покойный бывший Император.

Но, с точки зрения идеологии русского народа, есть еще и другая сторона – духовный символ, олицетворяемый в фигуре Царя, Помазанника Божия. Осветить, по мере сил и возможности, убитых Царя и Царицу с этой стороны расследование считало себя обязанным, исходя из таких соображений: свержение Царя, который в мировоззрении народа является только правителем, представляется преступлением по «форме», преступлением политически-гражданским; свержение же Царя, который в мировоззрении народа является еще и Помазанником Божиим, представляется преступлением по «духу», затрагивающим в корне все историческое, национальное и религиозное мировоззрение народа и выбивающим из-под его ног нравственные устои его жизни и быта. После этого он, естественно, легко впадает в крайности. Мы все повинны в бедствиях, постигших нашу Родину; мы все повинны в том, что еще до революции между нами, интеллигентами, и народом оказалась пропасть; мы все повинны в том, что народ

оказался не с нами, а с пришлыми, ему совершенно чужими нехристями; наконец, мы все повинны в трагической судьбе, постигшей Дом Романовых, хотя и не участвовали фактически в ужасных кровавых злодеяниях.

Но все это создано не сейчас, не в ближайшее только время, а подходило исподволь, нарастало издавна – из далекого прошлого нашей истории и, медленно катясь клубком, все нарастало и нарастало, пока, наконец, не порвало последней нити между Царем и народом, связывавшей их духовной идеологией. В этом окончательном разрыве повинно исключительно наше время, и последнюю ступень исторической нисходящей лестницы к большевизму перешагнули мы, бросив народ в рабство правителям религии лжи.

Но твердо верится, что русский народ, даже придушенный гнетом, голодом, разорением и террором теперешних его «диавола милостью» вождей, сознав свое роковое заблуждение в путях истинного Христова учения, снова найдет в себе ту, Богом данную ему, святую искру веры и любви для начала своего будущего возрождения, которая во все серьезные времена его исторического прошлого являлась путеводной звездой для новой, светлой жизни во Христе под стягом «Божьей милостью».

Не ради возбуждения чувства мести, не ради новых жертв, крови и проявления низкой, жестокой и бесцельной злобы хочу я поделиться мыслями, выводами и чувствами, вызванными во мне изучением и исследованием обстоятельств этой трагической страницы нашей истории. Пусть каждый, читая мои заметки, помнит великие слова Иисуса Христа: «Милости хочу, а не жертвы». И как величественна в царстве Православной Церкви была смерть членов Царской Семьи, так пусть и народ русский, руководимый и просвещенный Божьим Промыслом, найдет в себе мудрость и величественное решение не для осуждения и мщения, а для приведения к Великому Воскресению тех, кто был прямым виновником, вдохновителем и руководителем страшных преступлений против народа, веры и заповедей Христа.

Михаил Дитерихс.

В моей книге я вынужден был, упоминая о различных деятелях трагической эпохи, добавлять к фамилиям их имена. Произошло это потому, что среди советских главарей многие – нерусской национальности и предпочитают жить и действовать под вымышленными русскими фамилиями. Так как, к сожалению, мне не удалось узнать их настоящих фамилий, а с другой стороны, я вовсе не хочу вводить читателя в заблуждение, что главные деятели по делу: Свердлов в Москве, Голощекин в Екатеринбурге – люди русской национальности, то мне и пришлось отмечать это хотя бы именами их. Тех же, которых имена остаются неизвестными, я называю по фамилиям с добавлением указания на национальность. Эти детали исключительно важны для будущей истории советской власти в России, почему не отметить их – нельзя.

М. Д.

Глава I

Освобождение Екатеринбурга

В ночь с 24 на 25 июля 1918 года наши войска под начальством тогда полковника Войцеховского, рассеяв красную армию товарища латыша Берзина, заняли Екатеринбург. Советские власти и деятели в большой растерянности, спешности и тревоге бежали в Пермь, побросав и позабыв в городе много своих бумаг и документов, но увозя под сильной и надежной охраной, специальным поездом, награбленное у жителей имущество и в особенности ценности и документы, принадлежавшие Царской Семье.

Некоторые из комиссаров начали покидать город еще с 19-го числа, но тем не менее все они проявляли какое-то особое волнение, нервность и растерянность, доводившие их до панического состояния. Янкель Юровский, житель города Екатеринбурга, секретный председатель Чрезвычайной следственной комиссии и комиссар «дома особого назначения» (так назывался у большевиков дом Ипатьева, где содержалась Царская Семья), был в таком состоянии, что, уезжая из этого дома поздно вечером 19-го числа и увозя семь чемоданов, наполненных царскими вещами, забыл на столе в его комнате в этом доме свой бумажник с 2000 рублями в нем.

Город встретил вступление наших войск, как Светлый праздник: флаги, музыка, цветы, толпы ликующего народа, приветствия, церковный звон, и смех, и радостные слезы – все создавало картину ликующего начала весны в новой жизни и настроение великого праздника Воскресения Христова.

А в природе было лето, и город едва очнулся от давившей его последние дни какой-то ужасной, мрачной обстановки смерти, похорон, погребального стога, как бы нависшего черной тучей над всем городом и его окрестностями. Так бывает в зачумленных городах: не видно этих несчастных чумных, не слышно их, не известно даже, что и где происходит, но чувствуется, что что-то совершается ужасное, что что-то совершилось уже; чувствуется веяние смерти вокруг. И страшно, и мрачно, и жутко на душе.

Таково было настроение в Екатеринбурге перед освобождением его нашими войсками. И потому весной и Светлым праздником показался его обывателям день 25 июля.

* * *

Только на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка, за двумя рядами высоких сплошных заборов, скрывавших окна от глаз улицы, в небольшом, но хорошеньком, беленьком домике продолжали царить мрак, мертвая тишина и тени преступления.

Это дом Ипатьева, или, по-большевистски, «дом особого назначения», в котором содержалась в Екатеринбурге с 30 апреля 1918 года Августейшая Семья.

В этом доме еще 14 июля священник отец Сторожев с диаконом Василием Буймировым совершал обедницу для всей собравшейся в зале Царской Семьи; бедный наследник Цесаревич Алексей Николаевич страдал своей наследственной болезнью и сидел в кресле. Тут же присутствовали тогда доктор Боткин, девушка Демидова, повар Харитонов, камердинер Трупп и мальчик Седнев; поодаль у окна стоял комиссар Янкель Юровский и не спускал глаз с молившихся впереди русских христианских людей.

Все члены Царской Семьи имели вид утомленный и, против обыкновения, никто из них не пел во время службы, как было на предшествовавших пяти службах до появления в доме Янкеля Юровского. А когда во время этой службы 14 июля, по чину обедницы, отец диакон,

вместо того чтобы прочесть, по ошибке запел «со святыми упокой», все члены Семьи бывшего Императора Николая II опустились на колени.

«Знаете, отец протоиерей, – сказал диякон Буймиров, выйдя из дома, – у них там что-то случилось: они все какие-то другие точно, да и не поет никто».

Где же были теперь обитатели этого дома?

* * *

В доме царил невероятный хаос. Начиная от комнат нижнего полуподвального этажа, где при Янкеле Юровском жил внутренний караул из десяти человек, приведенных им с собой из Чрезвычайки, до угольной комнаты верхнего этажа, служившей спальней бывшему Государю Императору, Государыне Императрице и наследнику Цесаревичу, почти во всех комнатах были разбросаны по полу, на столах, диванах, за шкафами и ящиками различные цельные, разломанные, помятые и скомканные вещи и вещицы, принадлежавшие Августейшей Семье и содержавшимся с ними в доме придворным людям. Больше всего валялось их в комнате комиссара Янкеля Юровского – первой налево из передней. Валялись порванные, смятые и обгорелые записки, обрывки писем, фотографий, картинок; валялись книжки, молитвенники, Евангелия; валялись образа, образки, крестики, четки, обрывки цепочек и ленточек, на которых они подвешивались, а икона Федоровской Божьей Матери, икона, с которой Государыня Императрица никогда, ни при каких обстоятельствах путешествия не расставалась, валялась в помойке во дворе со срезанным с нее, ее украшавшим, очень ценным венчиком из крупных бриллиантов.

Брошенными валялись пузырьки и флакончики со святой водой и миром, вывезенные, как значилось по надписям на них, еще из Ливадии, Царского Села и костромских монастырей; разбросанными, изломанными и разломанными валялись повсюду шкатулки, узорные коробки, рабочие ящички для рукоделий, дорожные сумки, саквояжи, сундучки, чемоданы, корзины и ящики и вокруг них вывороченные оттуда вещи, предметы домашнего обихода и туалета. Но... ничего ценного в смысле рыночной ценности и, наоборот, почти все только ценное и необходимое для бывших обитателей этого дома.

В спальне бывшего Государя Императора и Государыни Императрицы валялись на полу: «Молитвослов», с юношеского возраста не покидавшийся Императором, с тисненым на обложке сложным вензелем из двух монограмм: «Н. А.» и «А. Ф.» – и датой на оборотной стороне книжечки «6-го мая 1883 г.»; вблизи «Молитвослова» брошена разломанная двойная рамка, где у Государя были всегда портреты Государыни-невесты и наследника Цесаревича, а от самих портретов валялись лишь порванные, совершенно обгоревшие кусочки.

Неподалеку лежали неразлучные спутницы Государыни Императрицы: книги «Лествица», «О терпении скорби» и «Библия», – все с инициалами «А.Ф.» и датой: «1906 год», с повседневными пометками в текстах и на полях, сделанными рукой Ее Величества; тут же валялись и остатки ее любимых четок; тут же – и необходимая для наследника Цесаревича, болевшего с апреля месяца, машинка для электризации и его лекарства, его игрушки, его доска, которую клали ему на постель для игры на ней и занятий. И флаконы с одеколоном и туалетной водой, туалетные стаканчики, мыльницы, скляночки и коробочки от разных лекарств и масса пепла от обгорелых чулок, подвязок, материй, бумаги, карточек, шкатулочек, коробочек от различных рукоделий, иконок и образов.

Этого пепла и обгорелых вещей домашнего обихода и туалетного характера было еще больше в следующей комнате, служившей спальней для Великих княжон. Сразу получалось впечатление, что все служившее раньше для туалета, что составляло одежду, белье, работу, рукоделие, развлечение, что хранилось дорогой памятью о высших близких людях и друзьях, – все было собрано в беспорядке, в спехе, скомкано, сломано, порвано и сожжено в двух печах,

находившихся в этой комнате. Срезанные же во время болезни волосы Великих княжон валялись перепутанные и в мусоре, в передней, близ комнаты Янкеля Юровского, а некоторые порванные письма к ним, фотографии и карточки, им принадлежавшие, оказались засунутыми за шкаф в одной из комнат нижнего этажа, где жили палачи внутренней охраны.

Не видно было лишь одного – кроватей в комнате Великих княжон... Они жили в этой комнате без кроватей и не имели матрасов.

В буфетной комнате с окном, выходившим в садик, неподалеку от крана, на столе и под ним валялось много грязного столового белья, и на некоторых полотенцах и салфетках виднелись большие, густые кровавые пятна. А наружная сторона дома, если выглянуть из окна в садик, сверху донизу была обрызгана тоже кровавыми пятнами: видно, кто-то мыл под краном окровавленные руки и отряс их за окно, а другой – просто взял и, не мывши, отер свои руки о столовое белье.

В каретнике во дворе дома Ипатьева оказалось несколько кухонных железных ящиков и два-три разломанных сундучка попроще, перевезенных комиссаром Хохряковым из Тобольска вместе с Царскими детьми. Сундуков, чемоданов и ящиков собственно Царской Семьи – не было. На земле валялись разбросанными, перепутанными, побитыми кое-какие остатки кухонной посуды, посуды столовой, чайной, громоздкие баки, кубы, лоханки. Остались несколько разрозненных частей костюмов, разодранный корсаж, отдельная юбка, большой ящик с игрушками и играми наследника Цесаревича, ширмы Государыни, весы для взвешивания людей, чехол от походной кровати Великих княжон. Ничего не было из белья, платьев, одежды, меховых вещей, обуви, шляп и зонтиков.

Совершенно отдельно стоял раскрытый тяжелый ящик-сундук с частью книг, принадлежавших Августейшим детям; в ящике рылись, большую часть книг разбросали тут же вокруг него. Книги исключительно русские, английские и французские; ни одной на немецком языке. Книги определенного выбора: сочинения для религиозного, нравственного воспитания и произведения лучших русских классиков. Книги определенных владельцев; в них собственноручные Их Высочеств пометки, закладки домашней работы, засушенные цветы и листочки. Почти на всех – посвящения или просто пометки от отца или матери или обоих вместе: «Елка. 1911 г. 24 декабря, Царское Село, от Папа и Мама, Ольге»; «В. К. Ольге, Мама, Тобольск, 1917 г.»; «Моей маленькой Татьяне от Мама. 9 февраля, 1912 г. Царское Село»; «Дорогой Татьяне от Папа и Мама. Янв. 1908»; «М.Н. Елка. 1913»; «Тетрадь для французского. Алексис» и т. д.

Из одной английской книжки Великой княжны Ольги Николаевны высунулись два листочка почтовой бумажки, на которых рукой Ее Высочества записаны стихотворения, сочиненные в Тобольске или Государыней Императрицей, или графиней Анастасией Васильевной Гендриковой.

На одном листке:

ПЕРЕД ИКОНОЙ БОГОМАТЕРИ

Царица неба и земли,
Скорбящих утешение,
Молитве грешников внемли.
В Тебе надежда и спасение.

Погрызли мы во зле страстей,
Блуждаем в тьме порока...
Но... наша Родина... О, к ней
Склони всевидящее око.

Святая Русь, твой светлый дом
Почти что погибает.
К Тебе, Заступница, зовем —
Иной никто из нас не знает.

О, не оставь своих детей,
Скорбящих упование,
Не отвори своих очей
От нашей скорби и страдания.

На другом листке:

МОЛИТВА

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбления,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог Всесильный,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста твоих рабов —
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

* * *

В нижнем этаже дома Ипатьева, в самом отдаленном и глухом его углу, есть полуподвальная комната с одним заделанным решеткой окном, выходящим на Вознесенский переулок. Комната полутемная, потому что два ряда высоких деревянных заборов, доходивших до самой крыши, не допускали дневного света до окна.

В отличие от всех прочих комнат дома здесь не было ни мусора, ни разбросанных вещей и вещиц, не было даже пылинки: видно было, что комнату недавно мыли, и мыли даже обои. Но все же на полу, особенно вдоль карнизов, ясно виднелись следы бывшей здесь крови, а на обоях сохранились многочисленные мелкие брызги крови. В стенах и в полу, в косяке двери и верхних карнизах – много пулевых пробоин, с застрявшими в некоторых из них пулями. В правом углу комнаты заметны были царапины – следы какого-то плоского, узкого оружия.

Крови, видимо, было много, очень много; ее вымывали, затирали опилками, глиной, песком, но она, растекаясь, омочила и карниз внизу левой стены, и карниз стены, находившейся прямо против входной двери. В этой же стене было особенно много пулевых пробоин.

Каждый человек, вошедший в эту комнату, ощущал гнет не только от мрака внешнего – происходившего от слабого проникновения дневного света, – но больше от внутреннего мрака, от слишком ярких следов, оставленных здесь смертью, смертью многих людей, смертью неестественной, кровавой. Чувствовалось каждым, что здесь произошла какая-то ужасная трагедия, трагедия не одного живого существа, а нескольких, многих. Представлялось: как в бесцельной борьбе за жизнь или, вернее, в агонии жизни люди, загнанные в эту маленькую комнату-ловушку, расстреливаемые в упор от входной двери, метались по ней, кидались из стороны в сторону, так как пули и пулевые следы группировались не только в полу и стене, противоположной входной двери, но по отдельности виднелись во всех стенах, и внизу, и вверху, и даже в левом косяке входной двери, причем пуля пробила и саму дверь, открытую в прихожую во время трагедии.

Безобразен и отвратителен был вид стен этой комнаты. Чьи-то грязные и развратные натуры безграмотными и грубыми руками испещрили обои циничными, похабными, бессмысленными надписями и рисунками, хулиганскими стишками, бранными словами и особо, видно, смачно расписывавшимися фамилиями творцов хитровской живописи и литературы. И тем более резко и показательно из всей этой массы безграмотности, воспроизведенной подонками людской среды, выделялось в правом, ближайшем к двери углу комнаты, двестише, написанное карандашом полуинтеллигентной рукой, на еврейско-немецком жаргоне:

Валтасар был в эту ночь
Убит своими подданными¹.

В здании Волжско-Камского банка, где помещался при большевиках Уральский областной совет рабочих, крестьянских и армейских депутатов, в день вступления в Екатеринбург войск полковника Войцеховского царил не меньший хаос и беспорядок раскиданных и разбросанных повсюду бумаг, вещей, женского белья, платьев и одежды.

Здесь, и особенно в так называемых кладовых банка, были брошены взломанные сундуки, чемоданы, саквояжи, валялись вывороченные из них вещи, костюмы, чулки, белье, обувь, бумаги, тетради, книги, обрывки записок, открыток. И повсюду – на сундуках и чемоданах, на портфелях и бюварах, на конвертах от писем и бумагах виднелись надписи фамилий владельцев: «А. В. Гендрикова», «Е. А. Шнейдер», или «В. А. Долгоруков», или «И. Л. Татищев».

Не было только самих владельцев всех этих брошенных и разбросанных вещей.

В сундуке А. В. Гендриковой среди перерытой, смятой и скомканной одежды лежал оброненный туда документ, адресованный Сафарову; он, видимо, увлекся разборкой вещей графини и обронил туда свою бумагу. Сафаров – еврей, приехал в Россию с Бронштейном в запломбированном вагоне; в Екатеринбурге был членом президиума; сносился непосредственно с главарями ЦИК в Москве; им была подписана телеграмма Алапаевскому совдепу с приказанием уничтожить содержащихся там членов Дома Романовых.

¹ Двестише из поэмы немецкого еврея Гейне «Царь Валтасар».

В помещении верхнего этажа банка, в комнатах, занимавшихся присутствиями совета и президиума, на столах, в ящиках столов, в раскрытых канцелярских шкафах и среди забытых дел валялись брошенными в спешке сборов черновики бумаг, телеграммы, газеты, объявления и записи телеграфных разговоров по прямому проводу. Их много было здесь, бюрократический строй советской власти плодил переписку еще большую, чем было в дореволюционное время. Среди этих брошенных бумаг много хлама, но вот и интересные:

«Москва. Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина.

Сыромолотов как раз поехал для организации дела согласно указаний центра. Опасения напрасны. Авдеев сменен, его помощник Мошкин арестован. Вместо Авдеева – Юровский, внутренний караул весь сменен, заменяется другим. 4 июля, № 4558. Белобородов».

Другой документ:

«Москва, два адреса, Совнарком. Председателю ЦИК Свердлову.

Петроград, два адреса, Зиновьеву, Урицкому.

Алапаевский Исполком сообщил нападении утром восемнадцатого неизвестной банды помещение где содержались под стражей бывшие великие князья Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович, Сергей Михайлович и Палей. Несмотря сопротивление стражи князья были похищены. Есть жертвы обеих сторон. Поиски ведутся. № 4853, 18 июля, 18 ч. 30 м. Предобласовета Белобородов».

Из записи на телеграфных бланках разговора по прямому проводу Янкеля Свердлова из Москвы, по-видимому, с Белобородовым читаем:

Расстрел Николая Романова

«На состоявшемся 18 июля первом заседании Президиума ЦИК Советов Председатель тов. Свердлов сообщает получено по прямому проводу сообщение от областного Ур. Совета о расстреле бывшего Царя Николая Романова. Последние дни столице красного Урала Екатеринбург seriously угрожала опасность приближения чехослов. банд; в то же время был раскрыт новый заговор контр. рев. имевший целью вырвать из рук советской власти коронованного палача. Ввиду всех этих обстоятельств президиум Ур. Обл. Сов. постановил расстрелять Ник. Романова, что и было приведено в исполнение 16-го июля; жена и сын Ник. Ром. отправлены в надежное место; документы о раскрытом заговоре высланы в Москву со специальным курьером.

Сделав это сообщение тов. Свердлов напоминает историю перевода Ник. Роман. из Тобольска в Екатеринбург когда была раскрыта такая же организация белогвардейцев в целях устройства побега Николая Романова. В последнее время предполагалось предать бывшего царя суду за все его преступления против народа и только развернувшиеся сейчас события помешали этого суда. Президиум ЦИК обсудив все обстоятельства заставившие Ур. Обл. Совет принять решение о расстреле Ник. Ром. постановил: Всерос. ЦИК в лице своего президиума признает решение Ур. Обл. Сов. правильным; затем председатель сообщает, что в распоряжении ЦИК находятся сейчас чрезвычайно важный материал и документы Ник. Роман., его собственноручные дневники которые он вел от юности до последнего времени; дневники его жены и детей; переписка Ром. и т. д.

Имеются между прочим письма Григ. Распутина к Романову и его семье. Все эти материалы будут разобраны и опубликованы в ближайшее время».

Черновик, писанный карандашом и пером, с поправками в числах:

Российская

Федеративная Республика

Советов

Уральский Областной Совет

Рабочих, Крестьянских

и Армейских Депутатов.

ПРЕЗИДИУМ

«Ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала Екатеринбург и ввиду возможности того, что коронованному палачу удастся избежать народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя и его семьи) Президиум Ур. Обласовета, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом.

В ночь с 16 на 17 июля приговор этот приведен в исполнение.

Семья Романова, содержавшаяся вместе с ним, эвакуирована из Екатеринбурга в интересах обеспечения общественного спокойствия. Президиум Обласовета».

Такое объявление виднелось еще 25 июля на заборах, столбах и стенах домов города Екатеринбурга, и веселые, ожившие толпы народа, уничтожая всякие следы ненавистной былой советской власти, срывали и эти объявления, не думая худого, в радости давно желанного освобождения.

* * *

Общего ликования и чувств свободы и возрождения не разделяло в этот день, вероятно, лишь несколько лиц из жителей города и расположенных неподалеку Сысертского и Верх-Исетского заводов. Думается, что разные чувства обуревали этими людьми, разные причины вли-

яли на особый уклад их мыслей и дум, и разное проявили они себя в этот и последующие дни по созданию на Урале нового положения.

Н. А. Сакович.

Мрачно, беспокойно было, вероятно, на душе у доктора Николая Арсеньевича Саковича, проживавшего на Госпитальной улице в доме № 6. Верно, торопился он сжечь некоторые из своих бумаг; верно, со страхом и трепетом подбегал к окну смотреть на улицу; не идет ли кто-нибудь из новых властей к нему? Может, как Иуда, дрожал он, чувствуя неизбежность если не человеческого, то Божьего суда.

«Славным малым», «ухажером за сестрами», ловким и ласковым с начальством, любимцем самых младших офицеров, с кличкой «гусар», он во время немецкой войны был старшим врачом 5-й артиллерийской бригады. Всегда франтовато одетый, в галифе и со стеклом, счастливый игрок в карты, первый во всех пирушках и пикниках и громче всех оравший «Боже, Царя храни!» – таков он был и таковым его застала в Москве, в отпуске, Февральская революция 1917 года.

«Еще в студенческие годы, – заявил он, вернувшись из отпуска в бригаду, – я был видным партийным работником партии социал-демократов». И каялся, что отсталое и реакционное общество офицеров дурно влияло на него. Он стал первым на митингах, первым по «углублению революции», первым в работе разрыва офицера с солдатом и говорил, что только он один в бригаде разбирается в моменте и может вести за собой солдат бригады.

Спустя год от Саковича слышали: «Я не принадлежу ни к какой партии и не принадлежал, но был записан в Екатеринбурге, в декабре, как сочувствующий в партию социалистов-революционеров». В январе 1918 года, по его словам, он отказывается принять звание областного комиссара здравоохранения и считает себя областным санитарным врачом, но принимает от Областного исполнительного комитета печать областного комиссара здравоохранения и на всех исходящих от него бумагах и распоряжениях ставит эту печать.

«Областного совета депутатов и исполнительного комитета я не знаю, – говорит он, – но знал только председателя Белобородова и комиссаров: Сафарова, Войкова, Голощекина, Юровского, Полякова, Краснова, Хотимского (все евреи), Тупетула (латыш), Сыромолотова, Анучина и Меньшикова (русские)».

Так было во всю службу его, всегда: чем он не был – его считали, что он был; чего он не хотел – его заставляли делать; чему он не сочувствовал – ему приходилось подчиняться. Всюду, по его рассказу, было или влияние среды, или принуждение обстоятельствами, или волей и силой других. Всюду было – но. Всюду в его жизни оно следовало за ним помимо его желания, помимо его добрых намерений.

Что же теперь, в этот день, могло бы заботить, омрачать и пугать его? Почему мог он пугаться прихода к нему новых властей? Казалось, свет свободы, проникший в город с нашими войсками, должен был бы больше всего обрадовать, осветить его душу, столь, вероятно, истомившуюся, страдавшую в этом ужасном, гнетущем подчинении воли и поступков, как повествует он сам... Теперь-то он мог стать тем, что есть, стать снова человеком...

Но мог ли?

Вероятно, в эти минуты воскресали в его памяти еще и другие картины из его жизни и деятельности, о которых он говорит так, между прочим, вскользь, как о виденном, но его будто не касавшемся и проходившем помимо его какого-нибудь участия.

Встает в его памяти полуосвещенная, в клубах накурленного табачного дыма, давно не убиравшаяся маленькая комната тайных заседаний президиума. Видит сидящих в ней за столом с дьявольскими жестокими и иезуитскими лицами Сафарова, Голощекина, Войкова, Тупетула, Белобородова, их он запомнил хорошо; отчего? А, кажется, был и Юровский и, наверное,

другие. Видит и себя самого среди них будто сидящим в стороне, на диване, за газетой: «Так как разбирался вопрос, не касавшийся здравоохранения».

И вспоминает, как дебатировались, а затем баллотируются вопросы: «устроить ли при перевозке бывшего Царя из Тобольска в Екатеринбург крушение поезда, или устроить “охрану” от провокационного покушения на крушение, или, наконец, привезти их в Екатеринбург». Помнит даже, что по этим вопросам были и какие-то сношения с центром, с Москвой...

Вышло последнее: перевезти в Екатеринбург – оно вернее.

А может быть, в эти переживаемые тревожные минуты видит он еще и другую картину, о которой он сам уже ничего не говорит, но которая слишком ужасно вырисовывается как предположение из данных следственного производства.

Лес густой, старая шахта, полянка; на ней пень от спиленной вековой сосны; какой-то врач сидит на пне, спиной к шахте, нервно теребит случайно оказавшийся в кармане медицинский справочник и роняет из него кругом листки; взялся за советскую газету, оторвал от нее кусок и бросил; нервно достал из другого кармана пакет с вареными яйцами, чистит их и разбрасывает кругом пенька шелуху. И откуда у него эти яйца? Не из тех ли это 50 яиц, которые Юровский велел принести на 16 июля монахиням из монастыря?

А там, у шахты, где толпятся 6–7 красноармейцев, свалены чьи-то хорошо одетые трупы, обрызганные, перепачканные теперь кровью и глиной. Слышится, быть может, знакомый голос: «Доктор, будьте добры, отделите палец, кольца не снять»... И палец отделен, хорошо, чисто, хирургически, и брошен в шахту.

Мог ли Сакович, даже если последнее не касалось его, стать тем, чем он был? Могло ли Божье правосудие не тяготеть над ним в этот светлый для других день, день освобождения Екатеринбурга от советской власти?²

* * *

М. И. Летемин.

На окраине города, на одной из грязнейших улочек – Васнецовской, во дворе дома № 71, в отдельном флигельке из одной комнаты и кухни, съевшись и прижавшись к темному углу сеней, жалобно и тихо стонала небольшая, длинной каштановой шерсти собачка. Слезились глаза от старости, и, казалось, так был грустен общий ее вид, что плачет она и стонет по какому-то большому, ей одной ведомому горю.

А собака явно была не ко двору в этом флигеле: порода иностранная и порода хорошая, редкая; шерсть длинная, пушистая, шелковистая, часто выдавшая на себе мыло и гребенку; собака знала и разные фокусы: лапку давала, служила, но ни на какую русскую кличку не отзывалась.

Жильцы флигеля сидели тут же, в комнате. Жена, вероятно, плаксивым голосом, хныча, приставала к мужу:

– Что же теперь будет? Что же делать?...

Он, тупо уставившись взором в стол, с осовевшими от перепоя глазами, встрепанной бородой, неумытый, в чужих, слишком хорошего материала, частях костюма, тяжело, пьяно дышал и дымил одной папиросой за другой.

– Прячь пока что, – верно, только и был его ответ.

² По донесению департамента полиции, доктор Сакович умер в июне 1919 года в Омской тюрьме от скоротечной чахотки. Он умер в тот самый день, когда за ним прибыл караул для отвода его на допрос к следователю Соколову. Он был допрошен раньше Особой следственной комиссией по обвинению в службе у большевиков, а по Царскому делу – лишь в Екатеринбургском уголовном розыске, но очень поверхностно.

И вот из большого узла, сваленного при приходе в угол, спешно полетели куда попало: под кровать, в сундук, в ящик швейной машины, в темный чулан, за печку, под половицы – хорошие вещи, совершенно не отвечавшие обстановке и жителям флигеля, вещи, вещицы, принадлежности одежды, бумаги, книжки. Чего-чего не было среди них: четки из ракушек; образок овальный фарфоровый святителя Алексея, Митрополита Московского, оправленный в серебряный позолоченный ларец с мощами святителя внутри, золотой крест-ковчежец с изображением святителя Алексея и тоже с мощами внутри; книжка – собственноручный дневник наследника Цесаревича, прихода-расходная книжка денег из Канцелярии Ее Величества в красивом красном сафьяновом переплете; медный простой колокольчик, у которого язык был заменен медной подвешенной гайкой; фотографический панорамный аппарат Кодака; дорожный погребец, обтянутый черной кожей; коробка с электрическими лампочками; щеточка для обмахивания пыли с башмаков; черепаховый дамский гребешок; ногтевая заграничная щетка; обломок от хорошего зеркала; флакон с водой «Вербена»; рукоять от сломанного серебряного столового ножа; пакет с персидским порошком; градусник наружный Реомюра; четыре пуговицы с бриллиантами и пять военных с гербами; черный шелковый зонтик; свечи белого воска, обвитые и разукрашенные золотом; маленькая подушка для втыкания булавок; два больших висячих зеленых замка; стекла волшебного фонаря; солдатики, лошадки и пушки оловянные, хорошие, специального заказа, наших гвардейских форм; белые тонкие глубокие фарфоровые тарелки с Императорскими гербами; банка белая фаянсовая; красный отточенный карандаш; накладки для подушек, наволочки, простыни, подушка пуховая, салфетки, скатерти, рубашки мужские, денные – и все с метками, Императорскими вензелями и коронами; скатерти вязаные белые, такие же малиновые; скатерти ковровые; покрышки шелковые на кровати; ботинки мужские; туфли дамские коричневые лайковые; ремень желтой кожи и много-много столь же разнообразного, разнородного чужого имущества, откуда-то набранного второпях.

Оставалось решить, что делать с собакой... Но не успели договориться.

25 июля, под вечер, в их комнате внезапно появились чины военно-уголовного розыска.

– Имя?

– Михаил.

– Отчество?

– Иванович.

– Фамилия?

– Летемина.

– Служили в охране дома особого назначения?

– Попался, – только и могло родиться в голове этого тупого, глупого исполнителя и подлого человека.

* * *

П. И. Лылов и Ф. И. Балмышева.

«Вот что, – говорил в этот день Петр Илларионович Лылов, бывший сторож при областном совдепе, Федосье Илларионовне Балмышевой, его гражданской жене и жительнице Верх-Исетского завода, – коль будут тебя спрашивать – так и говори, не таись и, что есть, покажи. Нам ничего не может быть. Что ж, что служили мы при Совете сторожами; а взять нам вещи разрешил сам Белобородов, да еврей этот, товарищ его, Сафаров, да братья Толмачевы и секретарь, прапорщик Мутных. Они ж тогда и увезли все самое ценное их тех вещей».

Жаль было Балмышевой расставаться с вещами; успела она уже кое-что раскроить и перебрать: уже почти готов был ее капот из раскрытого фисташкового, шелкового полотна, платья; ребенку перебрала платьице из бледно-розового, плотного шелка, платья и обшила его кружевами, купленными на заводском базаре.

Но предъявила, все предъявила, до последней ниточки: и платья, и костюмы, и пуховые подушки, и скатерти, и салфетки, и жакеты, и блузочки, и отдельные юбки, верхние и нижние, лифчики, и белье дамское, и зимние меховые вещи, и шелковые каш-корсеты, и шали разные, и чулки дамские, и кусок канны, и детское вязаное одеяло, и зонтики шелковые муаровые, и четыре флакона косметики, и пульверизатор, и белое фарфоровое яйцо, и лампадку в виде чаши, и образок святого Иоанна Крестителя, и много-много иных вещей, то с вензелями членов Императорской Семьи, то с инициалами Гендриковой, Шнейдер и Татищева.

Но так и остались Лылов с Балмышевой в убеждении, что «начальство позволило – значит, можно» и «мы не виноваты».

* * *

М. Д. Медведева.

На Сысертском заводе в этот светлый для большинства жителей день сидела с тремя малыми ребятишками Мария Даниловна Медведева. Муж ее, Павел Спиридонович Медведев, пропал без вести.

Десять лет прожила она с ним в тихом, мирном и дружном сожительстве. Муж не пил, не буянил, был грамотный. Честно работал он в сварочном цехе завода, а приходя домой, сапожничал и зарабатывал достаточно семье на пропитание.

Жили очень дружно, очень хорошо.

Наступила революция. Муж продолжал работать на заводе, а занимался ли политикой? – «не расспрашивала, не моего ума дело».

Но вот незадолго перед Масленой записался он в красную гвардию и уехал на фронт в Троицк. Там начальником у него был комиссар Мрачковский. «А кто такой Дутов, с которым воевал он, – не знаю, не моего ума дело».

На Страстной муж вернулся и в середине мая записался в команду для охраны дома, в котором жила в Екатеринбурге Царская Семья. Нанимал тогда тот же Мрачковский, а недели через две муж вернулся для набора пополнения команды. Поручение это было дано ему комиссаром евреем Голощекиным. Так муж говорил.

Потом ездила и она сама четыре раза к мужу в город; жил он в доме Попова, напротив Ипатьевского дома по Вознесенскому переулку, где жила, как в казарме, и вся охрана, а мужу отведена была отдельная комната. Но за это время «он стал непослушный, никого не признавал и как будто свою семью перестал жалеть».

Стал и пить.

Последний раз, что ездила она к мужу, вернулся на завод с ней и муж, и тут, дома, рассказал, как убили всю Царскую Семью и как он сам стрелял. И рассказал все это совершенно спокойно. Но куда бросили убитых, не рассказывал, а «я не расспрашивала его о служебных делах, да это и дело не моего ума».

Дня через два уехал муж в город и с тех пор никаких сведений о нем не было. На прощание оставил сумочку кожаную ручную, а в ней: красный сафьяновый бумажник; две золотые запонки; марлевый бинт; медный циркуль; прямые, узкие докторские ножницы; три мельхиоровые вилки; два серебряных монастырских колечка, крытых эмалью.

И сидит Мария Медведева, и смотрит на возню детишек да на оставленные чужие вещи. Спросят ее про мужа, то верно все, все расскажет, спокойно расскажет, как муж рассказывал: и как жили хорошо они, и как стрелял муж в Царя и его детей, и все, что слыхала от него.

А если спросят: «А вещи чьи он принес?» – то верно ответит: «Не знаю, не моего ума дело» – потому что муж не говорил, чьи, а сказал, что «комендант дал».

* * *

Т. И. Чемадуrow.

Из ворот Екатеринбургской городской тюрьмы, после того как ворвались туда наши добровольцы и освободили заключенных, одним из последних, широко крестясь и блаженно улыбаясь, вышел высокий, сухой, болезненный на вид и сгорбленный старик. Это был Терентий Иванович Чемадуrow, камердинер бывшего Государя Императора.

Не такой старый годами, 69 лет, он сильно состарился за последние месяцы от болезни и тюрьмы, где был совершенно забыт большевиками. Выйдя 24 мая больным из дома Ипатьева, куда он попал, сопровождая Государя, Государыню и Великую княжну Марию Николаевну, привезенных в Екатеринбург 28 апреля, он вместо госпиталя или отправления на родину, как обещали комиссары, был заключен в тюрьму. И тут его все забыли. Совсем забыли.

Он знал, что за время его сидения в тюрьме большевики вывели куда-то содержавшихся там же Нагорного и Седнева, а потом Татищева и Долгорукова и, наконец, Гендрикову, Шнейдер, Волкова и сидевшую с ними княгиню Елену Петровну Сербскую, супругу князя Иоанна Константиновича.

Десять лет пробыл он камердинером у бывшего Государя Императора, а перед этим в той же должности 19 лет при Великом князе Алексее Александровиче. Вся домашняя жизнь Царя и его Семьи протекла на его глазах; видел их и на парадных приемах, и в семейном быту; видел их в величии царствования на троне и в величии страдания – в доме Ипатьева, и все существо его прониклось своим хозяином: «прекрасным семьянином, громадным, неутомимым работником, глубоко религиозным христианином и горячо любившим своего простого русского человека».

И теперь, по выходе из тюрьмы, шаги его, естественно, направились туда, где он оставил их в последний раз, – на Вознесенский проспект, к дому Ипатьева.

Пришел. Вошел с другими, тоже стремившимися туда; увидел разгром, хаос, пустоту разрушения; увидел кровь, пули и еще кровь, и... задумался.

«А сколько привезли вы сюда с собой вещей Государя?» – спросили его.

«Одну дюжину ночных, одну дюжину денных, одну дюжину тельных шелковых рубашек; три дюжины носков, 200 носовых платков, одну дюжину простынь, две дюжины наволочек, три мохнатых простыни, двенадцать полотенец ярославского холста, четыре рубахи защитные, три кителя, пальто офицерское, пальто солдатского сукна, короткую шубу из романовских овчин, пять пар шаровар, серую накидку, шесть фуражек, шапку зимнюю, семь пар сапог шевровых и хромовых».

«Куда же это все делось теперь?»

Молчал старик и думал...

«Ничего не знаю, – сказал наконец, – ничего не знаю, что постигло моего Государя и его Семью»...

А через десять дней, едуци к своей семье в Tobольск и встретив в Тюмени Жильяра, воспитателя наследника Цесаревича, крестясь, радостно говорил ему: «Слава Богу, Государь, Ее Величество и дети живы. Расстреляны Боткин и все другие».

«Трудно было понимать Чемадуrowa, – рассказывал Жильяр, – потому что он говорил без всякой связи».

Через три месяца старик умер в Tobольске, унося особой в могилу тайну своего заявления Жильяру. Было ли то внушение за время пребывания в Екатеринбурге? Было ли то самовнушение, как убеждение в невозможности допустить такое бесчеловечное злодеяние? Был ли это результат веры, что коронованные родственники не могли спасти их?

* * *

В. Н. Деревенько

Одним из первых, встретивших вступление наших войск в Екатеринбурге, был доктор Владимир Николаевич Деревенько; это бывший врач наследника Цесаревича.

Когда 8 марта 1917 года в Царском Селе генерал Корнилов объявил об аресте Государыни Императрицы и предупредил придворных чинов, что «кто хочет остаться и разделить участь арестованной, пусть остается, но решайте это сейчас же: потом во дворец уже не впущу», – доктор Деревенько остался в числе добровольно арестованных при больном в то время корью наследнике Цесаревиче.

В ночь с 31 июля на 1 августа Царская Семья, по постановлению Совета министров Временного правительства, покинула Царское Село и выехала для следования в Тобольск. Доктору Деревенько, как исключение, Керенским был дан отпуск и он приехал в Тобольск позже, вместе со своей семьей. Отдельно от Царской Семьи, но для присоединения к ней, приехали, также позже, в Тобольск фрейлина Ее Величества баронесса Буксгевден, камер-юнгфера Занотти, комнатные девушки Романова и Уткина и дети лейб-медика Боткина, но разрешили посещение Царской Семьи только доктору Деревенько.

23 мая 1918 года Царских детей в сопровождении оставшихся в Тобольске придворных комиссары Родионов и Хохряков привезли в Екатеринбург. Наследника Цесаревича и Великих княжон Ольгу, Татьяну и Анастасию Николаевен с Нагорным, Харитоновым, Труппом и мальчиком Седневым советские власти помещают в Ипатьевский дом, где уже живут в заключении раньше привезенные Государь, Государыня и Великая княжна Мария Николаевна, доктор Боткин, Демидова, Чемадунов и Седнев. Затем Татищева, Гендрикову, Шнейдер и Волкова увозят с вокзала в тюрьму, где уже содержался приехавший в Екатеринбург с Государем Долгоруков. Остальным комиссары объявляют: «Вы нам не нужны» – и приказывают покинуть пределы Пермской губернии.

Доктору Деревенько и здесь оказывается возможным составить исключение: он берет свои вещи, оставляет вагон, и в то время, как остальных прицепляют к поезду и отправляют в Тюмень, он нанимает в городе комнату на частной квартире, живет спокойно все время здесь, и 25 июля застает его в Екатеринбурге.

Исключение не ограничивается только жизнью в городе: доктор Деревенько посещает, вначале довольно часто, заключенных в доме Ипатьева и пользуется больного наследника Цесаревича.

Одновременно он работает в городе на частной практике и приобретает обширную клиентуру почти исключительно среди многочисленного еврейского населения города.

Когда в Екатеринбург приехал некий Иван Иванович Сидоров и стал искать возможности установить сношения с заключенными в Ипатьевском доме, его направили к доктору Деревенько. Последний сговаривается с бывшим в то время комендантом дома особого назначения Авдеевым и лично дает распоряжение о ежедневной доставке Царской Семье молока, яиц, масла и пр.

Но вот 5 июля вместо Авдеева комендантом назначается Янкель Юровский. Принесших в этот день молоко и прочее женщин задерживает охрана; выходит Янкель Юровский: «Кто носить дозволил?»

«Авдеев приказал по распоряжению доктора Деревенько».

«Ах, доктор Деревенько. Значит, тут и доктор Деревенько», – отмечает Янкель Юровский.

Числа 6–7 июля Деревенько был приглашен Янкелем Юровским в дом Ипатьева и после этого посещения прекратил навещать заключенного больного наследника Цесаревича, а поступил на службу в советский военный госпиталь.

Янкель Юровский не простой еврей – житель Екатеринбурга; он не только комендант дома особого назначения, он вместе с областным военным комиссаром евреем Исааком Голощекиным – секретные главари местной областной чрезвычайки.

Наступают ужасные дни 8 – 18 июля: пристреливают Татищева, Долгорукова, Нагорного, Седнева, Боткина, Демидову, Харитонову, Труппа; выполняются кровавые трагедии в Ипатьевском доме, в Алапаевске; перевозятся в Пермь для расстрела позже Гендрикова, Шнейдер, Волков...

Доктор Деревенько 25 июля участвует в торжественных встречах и чествованиях наших войск в Екатеринбурге.

Когда 17 июля по обыкновению женщины принесли в дом Ипатьева молоко, им объявили: «Идите и больше не носите». Узнав потом о расстреле бывшего Царя и о вывозе Семьи, они бросились к доктору Деревенько... «Доктор ничего не знал, сильно смущен был и в лице изменился».

Он приглашен офицерами на розыски тел у шахты в Коптяковском лесу; он участвует в протоколах осмотра дома Ипатьева следственной властью. Когда на дне шахты находят хирургически отделенный чей-то палец и вставную верхнюю челюсть доктора Боткина, доктор Деревенько авторитетно и категорически заявил: «Палец – это доктора Боткина». «Палец, – говорит экспертиза в Омске, – тонкий, длинный; палец принадлежит человеку, привыкшему к маникюру; палец – выхолненный; палец можно скорее признать принадлежащим женщине».

Странно, что Чемадунов, в бессвязном повествовании Жильяру еще до находки пальца, но выдавшись в Екатеринбурге с доктором Деревенько, говорит, что убиты Боткин и все другие, а Государь и вся его Семья живы.

Когда исполняющим дело прокурором Кутузовым через газетные объявления приглашались для показания все что-либо знавшие по Царскому делу, доктор Деревенько не пришел дать своих показаний. Он не был допрошен никем: ни следователем Наметкиным, ни членом суда Сергеевым, ни прокуратурой – никем. А когда дело перешло в руки следователя Н. А. Соколова, горячо взявшегося за допросы всех состоявших при Царской Семье придворных, доктора Деревенько в Екатеринбурге не оказалось: он перевелся куда-то в глубь Сибири, а ныне остался в Томске у большевиков.

Станный характер имел доктор Деревенько, странный был человек.

Если для жителей города Екатеринбурга, истомленных гнетом советского режима, день 25 июля был светлым, радостным праздником, то для вступивших в город русских людей этот день был полон самых тяжелых, ужасных новостей. Никто не хотел верить в возможность убийства всей Царской Семьи; никто не мог допустить существования в человеке, в людях зверства такого небывалого размера. Слухи, одни фантастичнее других, одни невероятнее других, быстро распространялись по городу, и все цеплялись за малейшие лучи надежды, отталкивая от себя кошмарную картину, которую поневоле выставляли комнаты дома Ипатьева.

При таком тяжелом настроении люди приступили к розыскам правды.

Белогвардейские заговоры

И в объявлении Президиума Уральского обласовета, и в сообщении Президиума ЦИК в Москве советские власти в объяснении причин, вынудивших их прибегнуть к расстрелу бывшего Царя Николая II без суда и в спешном порядке, как на один из главнейших аргументов ссылаются на открытые ими белогвардейские заговоры, имевшие будто бы целью вырвать из их рук отрекшегося Государя и его Семью. Председатель ЦИК Янкель Свердлов, как видно

из «публикации» центральной власти, счел нужным напомнить своим коллегам о раскрытии в свое время такого же белогвардейского заговора в Тобольске, побудившего тогда советскую власть перевезти Царскую Семью в Екатеринбург – пункт, считавшийся, по-видимому, более обеспеченным как центр их силы и власти на красном Урале. Документ о раскрытом заговоре, имевшем целью похитить бывшего Царя в Екатеринбурге, Янкель Свердлов обещал разобрать и опубликовать в ближайшие дни.

Могли ли быть у советской власти фактические основания опираться в своих объяснениях на опасность таких белогвардейских заговоров? Существовали ли вообще заговоры для похищения Царской Семьи в Тобольске или Екатеринбурге, и какова была их реальная сила и вытекавшая отсюда степень опасности для «правосудия» советской власти? Какие, наконец, документы обещал опубликовать для всеобщего сведения Янкель Свердлов как доказательство заговоров офицеров и вообще белогвардейцев?

Эти вопросы, независимо от их значения для самого дела, чрезвычайно существенны в интересах исторических и национальных. Естественно, что конспиративность как самих заговоров, так и еще более истинной работы главарей советской власти значительно затрудняет всестороннее освещение этих вопросов и безусловное установление фактической правды, но сделать попытки в этом направлении необходимо.

В июне 1918 года в Москве, в обществе и среди некоторых кругов советских деятелей, распространились упорные и тревожные сведения и слухи, что где-то и кем-то совершено убийство Царя. Переполюх в определенных советских сферах, вызванный распространением этих сведений, по-видимому, был большой. Слухи, все нарастая и нарастая, достигли такой степени реальности, что 20 июня председатель Екатеринбургского совдепа получил из Москвы такой официальный запрос:

«В Москве распространились сведения что будто бы убит бывший Император Николай Второй сообщите имеющиеся у вас сведения. Управляющий делами совета народных комиссаров Владимир Бонч-Бруевич. 499».

Кажется, особенного беспокойства этот запрос в екатеринбургских деятелях не вызвал; на запрос была положена своеобразная для существа запроса резолюция: «копию телеграммы сообщить Известиям и Уральскому Рабочему, а затем, разными почерками, о жильцах дома Ипатьева», «В дело Цар.» и снова – «к делу о жильцах в д. Ипатьева».

Но волнение в Москве, видимо, серьезно охватило официальные общественные советские сферы: вслед за указанным запросом Бонч-Бруевича 21 июня шлет телеграмму Екатеринбургскому президенту Совдепа комиссар ПТА товарищ Старк:

«Срочно сообщите достоверности слухов убийстве Николая Романова вестнику точка 887».

Резолюция: «Ответ посл.» и «к делу о жильцах д. Ипатьева».

Но или ответа не было, или таковой задержался, и 24 июня тот же Старк шлет в Екатеринбург комиссару советского органа «Известия» товарищу Воробьеву новую телеграмму:

«Прошу срочно сообщить достоверности слухов убийстве Николая Романова очень важно».

Однако нельзя не обратить внимания, что интересуются правдивостью слухов об убийстве бывшего Императора не Янкель Свердлов, с которым, как видно из брошенных бумаг и дел, почти исключительно сносились главари Екатеринбургского президиума по всяким политическим делам, а или российский полоумный негодяй Бонч-Бруевич, или немецко-шведский сотрудник советов Старк.

При расследовании дела были косвенные указания на то, что именно в этот период произошел разговор по прямому проводу между Лениным и командующим армией Берзиным, сущность которого будто бы сводилась к тому, что Ленин возлагал ответственность за безопасность бывшего Царя на Берзина. Происходил ли такой разговор в действительности – неиз-

вестно, но нижеприводимый документ позволяет думать, что что-нибудь подобное было. Мало того, документ этот, во-первых, объясняет, почему Ленин мог иметь разговор именно с командующим армией, а во-вторых, дает определенный ответ: какого убийства опасались и ожидали в Москве? Откуда, по московской молве, скорее всего можно было ожидать опасности? И наконец, кто распускал в Москве сведения об убийстве?

Вот этот документ:

«Три адреса. Москва, Совнаркому, Нарком. воен., бюро печати, ЦИК.

Мною полученных Московских газетах отпечатано сообщение об убийстве Николая Романова на каком-то разъезде от Екатеринбурга красноармейцами. Официально сообщаю что 21 июня мною с участием членов В. военной инспекции и военного комиссара Ур. военного округа и члена всерос. след. комиссии был произведен осмотр помещений как содержится Николай Романов с семьей и проверка караула и охраны все члены семьи и сам Николай жив и все сведения об его убийстве и т. д. провокация. 198. 27 июня 1918 года, 0 часов 5 минут. Главнокомандующий Североуралосибирским фронтом Берзин».

Так вот откуда в некоторых московских сферах и в массе населения, вероятнее всего, допускался заговор, ожидалась возможность опасности: не о белогвардейском освобождении думала масса, не на нем строилась молва, а росли слухи, вытекая из хорошего знания своих сотрудников, своих деятелей – советского воинства, красноармейцев. Это – глас народа, а не «публикации» Янкеля Свердлова. Вот почему мог иметь место и разговор Ленина с Берзиным, с командующим этими красноармейцами; а возлагал ли Ленин при этом ответственность за жизнь бывшего Царя на Берзина – не все ли равно. Склонность Ленина к тактическим маневрам слишком хорошо известна, чтобы можно было придавать серьезное значение такому обязательству Берзина.

Тем не менее не бывает дыма без огня: волнениям и беспокойствам народных масс Москвы, к сожалению, причины были. В это именно время в Перми был убит тремя членами Мотовилихинской чрезвычайки Великий князь Михаил Александрович. Скрыть убийство, как ни старались советские власти, очевидно, не удалось: сами убийцы рассказывали приятелям о нем. Вероятно, передаваясь из уст в уста, это убийство, докатившись до Москвы, и послужило основанием для создавшихся слухов об убийстве бывшего Государя. Может быть, Янкель Свердлов понимал это, почему и не проявлял интереса к слухам, волновавшим Бонч-Бруевича.

Но если Янкель Свердлов был индифферентен к слухам, то по каким-то иным причинам он в это же примерно время был сильно озабочен также судьбою бывшего Царя и Его Семьи, но, по-видимому, совершенно в другом отношении. В эти знаменательные дни убийств на Урале членов Дома Романовых у Янкеля Свердлова жил вызванный или приехавший самостоятельно – неизвестно – один из виднейших екатеринбургских советских деятелей областной военной комиссар Исаак Голощекин. Пребывание его в Москве связывалось с вопросами, обсуждавшимися и разрешавшимися в отношении именно судьбы Царской Семьи. По поводу ее Екатеринбургу были даны указания центральной властью.

Какие это могли быть указания, какие особые обстоятельства могли влиять на них, рассматриваться будет в своем месте. Здесь же, в отделе о заговорах, необходимо отметить лишь то, что если допустить, что советские власти были вынуждены расстрелять бывшего Царя без суда и в срочном порядке, побуждаемые какими-то насильственными намерениями людей противного лагеря, то безусловно устанавливается, что о таковых намерениях советские власти знали задолго до совершения «казни», почему имели время не только произвести суд, но и вывезти для суда в другое место. Вот этот документ, который уже был приведен выше: «Сыро-молотов как раз поехал для организации дела согласно указаний центра», – телеграфирует 4

июля Белобородов через Сыромолотова Голощекину, – «опасения напрасны точка Авдеев сменен, его помощник Мошкин арестован точка вместо Авдеева – Юровский, внутренний караул весь сменен, заменяется другим точка № 4558».

С 4 до 16 июля времени было достаточно, чтобы судить, вывезти и вообще принять при желании много иных мер. Следовательно, первая ложь, допущенная советской властью в своем официальном оповещении, это – необходимость спешной казни.

Но вот на какие мысли наводит еще эта телеграмма Белобородова: чего опасались Янкель Свердлов и Исаак Голощекин?

Телеграмма Белобородова является ответной на неизвестный запрос Голощекина; в Ипатьевском доме в охране заключенных произошло какое-то чрезвычайно серьезное событие. Произошло оно после 27 июня, так как Берзин все проверял, осматривал, ничего опасного не нашел и, будучи достаточно крупным советским деятелем, ничего о нем не знал, посылая в Москву свое донесение. Произошло оно не позже чем за один-два дня до 4 июля, так как Голощекин, посылая свой запрос, должен был, в свою очередь, получить из Екатеринбурга извещение о происшедшем событии. Получается такая картина: в то время когда Берзин доносил, что в доме Ипатьева все обстоит благополучно, в действительности в доме оказывалось так неблагополучно, что пришлось сместить коменданта, арестовать его помощника и заменить всю внутреннюю охрану.

Теперь уже известно, что советские власти объяснили внезапную смену 4 июля Авдеева, Мошкина и охраны тем обстоятельством, что у Мошкина был найден золотой крестик, украденный им у Царской Семьи. Неужели этой покражи так испугались Янкель Свердлов и Исаак Голощекин? Ясно и определенно одно, что, во всяком случае, не офицерского или белогвардейского заговора в Екатеринбурге испугались главари советской власти, ибо не стали бы они покрывать его ложью об украденном крестике, а, вероятно, постарались бы использовать в полной мере обнаруженный заговор, чтобы расправиться с виновными и нежелательными им невиновными.

Между тем время шло, убили в Москве Мирбаха, подавлено эсеровское восстание, немцы отказались от ввода своих войск в Москву, возможность войны с ними миновала, совершились «казнь Николая Романова» в Екатеринбурге, «похищение Великих князей» в Алапавске, «бегство» Великого князя Михаила Александровича в Перми, прошел июль, август, сентябрь, миновал весь 1918 год, а обещанного Янкелем Свердловым опубликования документов о белогвардейском заговоре все не появлялось.

Наступила весна 1919 года. На горизонтах царства пятиконечной звезды снова начали сгущаться грозные тучи, напоминавшие главарям советской власти начало лета 1918 года.

С востока быстрым потоком снова устремились к берегам матушки-Волги молодые войска омского правительства; с юга двинулась объединенная добровольческо-казацкая рать генерала Деникина; с юго-запада зашевелились снова гайдамаки Петлюры; с севера, усилившись союзниками, угрожал Архангельск; с северо-запада приближался Юденич и что-то там около него и за ним зашевелилось опять немецкое, эти бывшие хозяева октябрьских дней 17-го года и счастливой эпохи расцвета смольного могущества «русского пролетариата».

Гроза надвигалась серьезная, сильная. Можно было ждать, что немцы подкрепят «белогвардейские банды» и, чего доброго, соединятся с союзниками против своих же бывших холопов, отказавшихся платить по договорам.

Цель оправдывает средства, не надо брезговать ничем; это так легко и привычно совдеповским законам. К их услугам агенты повсюду, агенты их же племени, или примыкающие к ним из народов всех стран мира. Вспомнили при этом и о Царском деле – деле «А», как именуется оно в советских канцеляриях; снова подумали о необходимости подготовить тыловые пути и почву для будущей деятельности и будущей победы окончательной.

И вот в марте месяце в «их» иностранной прессе появляются статьи, заметки, интервью, явно представляющие минувшие события в благоприятном для советских главарей свете.

Длинно перепечатывать их, но некоторые носят настолько характерный отпечаток своего происхождения, что в интересах исторических необходимо примириться с некоторой длинной повествования.

Вот статья из газеты «Майничи Хроникл»:

«Друг одного из корреспондентов английской газеты «Морнинг пост», только что прибывший из Петербурга, рассказывает, что Великий князь Кирилл получил 18 ноября письмо от Великой княжны Татьяны, в котором говорится, что Царица и Великие княжны находятся в безопасности и что Царь расстрелян не был. Согласно этого письма, один большевистский офицер вошел к Царю и объявил ему, что он назначен для приведения в исполнение смертного приговора. На вопрос – нет ли способа избежать этого, он ответил, что сам он относится к этому индифферентно, но что ему надо иметь обезображенное тело, как доказательство приведения в исполнение данного ему приказа. Какой-то граф, имя которого в письме не упоминается, предложил себя на место Царя. Царь настойчиво протестовал. Но граф настаивал, и большевистский офицер кончил спор тем, что застрелил графа, согласно его желания. В это время Царь воспользовался моментом и скрылся неизвестно куда».

В этой заметке интересны намеки на якобы существовавшие дружественные отношения между Великой княжной Татьяной Николаевной и Великим князем Кириллом Владимировичем и на убийство какого-то графа вместо Государя. Это последнее, по существу, является удивительно похожим на сумасшедший бред Чемадунова, который утверждал, что убиты Боткин и другие, а Государь и Царская Семья спаслись. С другой стороны, бесследное исчезновение всей Царской Семьи снова является попыткой провести идею якобы существовавшего заговора для похищения.

А вот другая, более длинная, но чрезвычайно фантастическая статья. Представлена она в виде интервью корреспондента «Нью-Йорк таймс» господина Аккермана с каким-то мифическим камердинером покойного Государя Парфеном Алексеевичем Домниным:

«Начиная с первых дней июля, над городом появились аэропланы и летали довольно низко, бросая иногда бомбы, в большинстве не приносящие вреда. В то же время появились слухи, что чехословаки готовятся занять город. В один из таких вечеров Николай вернулся со своей обычной прогулки по саду в необычайном возбуждении; помолившись перед иконою Николая Чудотворца, он бросился на кровать не раздеваясь; никогда раньше он так не делал.

– Позвольте мне вас раздеть, – сказал я.

– Не беспокойся, старина, – ответил Николай. – У меня тяжело на сердце, и я чувствую, что уже недолго проживу. Может быть, сегодня... – И бывший Царь не кончил фразы.

– Бог с Вами, что Вы говорите, – возразил я. И он рассказал мне, что во время прогулки в саду он получил известия о заседании специального комитета Совдепа казачьих и красноармейских депутатов Урала, которое должно вырешить его судьбу ввиду слухов, что он собирается бежать к чехословакам, в свою очередь обаявшимся будто бы вырвать его из рук Советов. “Я не знаю, что может случиться”, – сказал Николай в заключение.

Царь содержался под строжайшим надзором: ему не позволялось ни покупать газет, ни даже выходить сверх краткого времени для прогулок; прислуга постоянно обыскивалась, и меня один раз, например, заставили снять решительно все с себя, подозревая, что я проношу письма. Еду давали скудно, да и то она состояла, главным образом, из картофеля и селедок. Хлеба же давали по полфунта в день на каждого члена семьи. Царевич все это время болел. Раз он вбежал в комнату отца в слезах, и совершенно вне себя бросился на руки к отцу, и сквозь рыдания едва выговорил:

– Милый папа, они хотят тебя застрелить.

– Воля Божья во всем, – ответил Царь, – но, милый мальчик, будь спокоен, будь спокоен.

Где мама?

– Мама плачет.

– Поди попроси маму перестать плакать. Божья воля должна свершиться.

– Папа, папа, – плакал Царевич, – ты и так уже много страдал, за что же они хотят тебя убить?

– Алексей, – сказал Царь, – я прошу тебя об одном – пойди и успокой маму.

Царевич вышел, а Николай стал на колени перед иконой и долго молился. Он вообще проводил за молитвой много времени; и если пробуждался по ночам, то уже больше не засыпал, а все время молился.

Лишь иногда ему разрешалось видеть Царицу “Алису”, так он звал ее. Раз и она пришла в слезах и сказала:

– Ты должен привести все свои письма и документы в порядок, дай свои последние распоряжения и завещание.

После этого Николай проводил ночи за письмами.

Он написал много; среди писем были: к дочерям, к брату Михаилу Александровичу, к дяде Николаю Николаевичу, к генералу Догерту, князю Гендрикову, графу Олсуфьеву, принцу Ольденбургскому, графу Сумарокову-Эльстону и многим другим. Он не запечатывал письма, потому что их тщательно цензуровали в Советах, и случалось нередко, что письма возвращались с пометкой: “Не отправлять”. Часто Николай целыми днями ничего не ел и все молился; было ясно, что он сильно беспокоился и болел сердцем. Поздним вечером 15 июля в комнату Царя вошел комиссар охраны и объявил:

– Гражданин Николай Александрович Романов, вы должны отправиться со мною в заседание Совета рабочих, казачьих и красноармейских депутатов Уральского округа.

– Скажите откровенно, – возразил Николай, – что вы желаете увести меня для расстрела.

– Нет, не опасайтесь, – ответил комиссар, улыбаясь, – вас требуют на заседание.

Николай поднялся с кровати, надел свою серую солдатскую рубашу, сапоги, опоясался и вышел с комиссаром. Два солдата стояли у дверей, а три других окружили и стали обыскивать бывшего Царя. После этого один из латышей пошел впереди, Царя поставили за ним, потом стал комиссар, в хвосте – остальные солдаты. Николай Александрович не возвращался долго, почти два с половиной часа. Он был очень бледен, и подбородок его нервно дрожал.

– Дай мне, старина, воды, – сказал он мне.

Я принес, и он залпом выпил большой стакан.

– Что случилось? – спросил я.

– Они мне объявили, что через три часа я буду расстрелян, – ответил мне Царь.

На заседании в присутствии Николая II были прочитаны все детали контрреволюционного заговора тайной организации “защиты родины и свободы”. Там указывалось, что организация стремилась подавить “рабоче-крестьянскую революцию, подстрекая массы против советской власти, обвиняя советы во всех злодействах и несчастьях, постигших страну, которые были причинены всему свету империализмом, войною, кровопролитиями, голодом, недостатком работы, расстройством транспорта, продвижением немцев и т. д.”. Организация намерена была объединить все несоветские фракции и социалистов наравне с монархистами.

Документы указывали, что всех своих намерений организация не смогла осуществить из-за несогласия правого крыла с левым и что во главе заговора стоял личный друг Царя – генерал Догерт. В организацию входили и представители рабочих кругов, как-то: князь Кропоткин, генерального штаба полковник Сукарт, инженер Ильинский, и были также причины думать, что Савинков был в непосредственных отношениях с этой организацией и что именно Савинков предполагался во главе нового Правительства как военный диктатор. Все эти лица соблю-

дали очень строгую конспирацию. Боевую группу в Москве составило около 700 офицеров; но после их переправили в Самару, где и ожидалось подкрепление от союзников для восстания Уральского фронта, которым отделялась бы Великороссия от Сибири. Затем, когда дело уже началось бы, предполагалось мобилизовать всех сочувствующих, свергнуть Советы и вновь выступить против Германии.

Документально указывалось, что в заговоре участвовали такие социалистические партии, как народные социалисты, правые социал-революционеры, отчасти меньшевики в соглашении с кадетами. Главный штаб организации находился в сношениях с генералами Дутовым и Деникиным. За самые же последние дни был обнаружен и еще новый заговор, которым, при содействии генерала Дутова, предполагалось вырвать Николая II из советских рук. Кроме того, там же, на заседании, указывалось, что Царь поддерживал секретную переписку с личными друзьями, с генералом Догертом, который якобы в одном из писем советовал Царю приготовиться к возможности освобождения.

Ввиду такого положения вещей и решения эвакуировать в Екатеринбург, совещание решило предать Царя Николая Александровича смертной казни без дальнейшего промедления.

– Гражданин Николай Романов, – объявил председатель совета, – объявляю вам, что вы располагаете тремя часами для устройства своих дел. Стража, я предупреждаю вас, иметь строжайшее наблюдение за Николаем Романовым и не спускать с него глаз.

Вскоре после возвращения Николая II с заседания к нему вошла Александра Федоровна с Царевичем; оба плакали. Царица упала в обморок, и был призван доктор. Когда она оправилась, она упала на колени перед солдатами и молила о пощаде. Но солдаты отозвались, что это не в их власти.

– Ради Христа, Алиса, успокойся, – сказал Николай II несколько раз тихим голосом.

Он перекрестил жену и сына, подозвал меня и сказал, поцеловав:

– Старина, не покидай Александры Федоровны и Алексея; ты знаешь, у меня никого больше нет, и не останется никого помочь им, когда меня уведут.

Впоследствии выяснилось, что кроме жены и сына, никого не допустили попрощаться с Николаем II. Царь, его жена и сын оставались вместе, пока не прибыл председатель совета с пятью другими солдатами и еще двумя рабочими, членами совета.

– Наденьте пальто, – сказал председатель Царю. Николай II не потерял самообладания и стал одеваться. Он еще раз затем поцеловал и перекрестил жену, сына и слугу и, обратившись к прибывшим, сказал:

– Теперь я в вашем распоряжении.

Царица и Царевич забились в истерику, и когда я бросился помочь, председатель сказал мне:

– Это вы можете сделать потом; теперь же не должно быть никакого промедления.

– Позвольте мне идти за моим господином, – просил я.

– Никто не должен сопровождать его, – ответил председатель.

Царя взяли и увезли, никому не известно – куда, и тою же ночью он был расстрелян двадцатью красноармейцами.

Еще до рассвета, тою же ночью, 15 июня, председатель совета пришел опять. С ним были несколько красноармейцев, доктор и комиссар охраны. Они вошли в ту же комнату, где содержался Царь, и доктор оказал помощь потерявшим чувства Александре Федоровне и Царевичу. После того председатель совета спросил доктора:

– Можно ли взять их немедленно?

– Да, – ответил тот.

– Граждане Александра Федоровна Романова и Алексей Романов, – объявил председатель, – вы будете увезены отсюда; вам разрешается взять только самое необходимое не свыше 30 или 40 фунтов.

Стараясь овладеть собою, мать и сын бросались из стороны в сторону и были скоро готовы. Председатель не разрешил им попрощаться со своими близкими и все время торопил их.

– И вы, старик, – сказал он мне, – уходите прочь отсюда. Теперь никого не останется, кому бы вы могли служить.

И, обращаясь к комиссару, он прибавил:

– Завтра же вы должны убрать его отсюда.

Царицу и ее сына взяли в автомобиль и куда увезли – неизвестно. Наутро комиссар велел мне уйти и позволил взять несколько вещей бывшего Царя; все же документы и письма были взяты стражей. Мне было очень трудно раздобыть даже железнодорожный билет, потому что вокзал и все районы занимались красноармейцами, увозившими ценные вещи из города».

Казалось бы, что всю эту лживую и пошлую по форме статью можно было бы не воспроизводить. Кто из русских когда-нибудь слышал о существовании у бывшего Государя друга – генерала Догерта, – или «князя» Гендрикова, или кто слышал о существовании генерального штаба полковника Сукарта, да и самого камердинера Домнина? – все это сплошная ложь, а форма разговора между Царем и камердинером – просто пошлость. Ни для кого не может быть сомнения, что все это интервью полная выдумка.

Но тем не менее статья имеет и много существенного для дела. Разве, по соответствию со всеми заявлениями советских властей, эти документы о раскрытом заговоре не представляются именно теми измышленными в Москве документами, которые хотелось бы иметь Янкелю Свердлову, чтобы опубликовать как подтверждение принятого решения для казни Николая Романова? В свое время Янкель Свердлов этого не сделал; не сделал потому, что обстановка сложилась благоприятно для Москвы, а потому советская власть и не сочла нужным трудиться над изобретением документов. Теперь же обстановка опять ухудшилась, надо было расположить мир в свою пользу, и вот создается не существовавший верный слуга бывшего Императора и его устами оповещает всю заграницу в желательном для советской власти смысле.

Суть приведенного интервью преследовала три цели:

1) представить миру картину якобы произведенного над отрекшимся Императором народного суда с подробной мотивировкой причин, побудивших власть к принятию спешного решения;

2) надо было, по обстоятельствам тогдашнего времени, припугнуть немцев возможностью создания на Урале Сибиро-союзного фронта и коалиции всех противных Советам партий против Германии;

3) подготовить почву для благоприятного принятия запоздалого опубликования тех документов, которые советская власть все же считала необходимым выпустить главным образом уже для российского общественного мнения.

Но раньше чем перейти к этим последним документам, необходимо отметить еще одну черту, проскальзывающую в приведенном интервью, служащую подтверждением предположения, что инспираторами этой статьи могли быть только сами советские деятели. В статье, при всей общей ее фальшивости, проскальзывают некоторые верные детали совершенного преступления.

Так, например: в составе ближней охраны был латыш; приехали поздно ночью в дом, чтобы вести на расстрел, председатель и два члена из совдепа. Эти детали вполне совпадают с тем, что было фактически, и легче всего проскальзывают в лживых повествованиях тогда, когда их рассказывает сам участник факта.

3 апреля 1919 года радио Москва – Будапешт разнесло по всей России и по всему миру следующее сообщение из «Вечерних Советских Известий».

«Продолжение начатого 2 апреля опубликования документов по делу о попытке к побегу Николая II.

Анонимный корреспондент, обменивавшийся письмами с Романовыми, пишет:

“С Божьей помощью и с Вашим хладнокровием надеемся достичь нашей цели, не рискуя ничем. Необходимо расклеить одно из Ваших окон, чтобы Вы могли его открыть, я прошу точно указать мне окно. В случае если маленький Царевич не может идти, дело сильно усложнится, но мы и это уже взвесили, и я не считаю это непреодолимым препятствием. Напишите точно, нужны ли два человека, чтобы его нести, и не возьмет ли это на себя кто-нибудь из вас. Нельзя ли было бы на 1 или 2 часа на это время усыпить “маленького” каким-нибудь наркотиком. Пусть решит это доктор, только надо Вам точно предвидеть время. Мы доставим все нужное. Будьте спокойны. Мы не предпримем ничего, не будучи совершенно уверены в удаче заранее. Даем Вам в этом торжественное обещание перед лицом Бога, истории, пред собственной совестью. Офицер”.

«Несмотря на обещание, эта попытка окончилась расстрелом Николая II.

Ответ Романова на письмо «офицера» еще длиннее самого письма:

“Второе окно от угла, выходящее на площадь, стоит открыто уже два дня и даже по ночам. Окна 7-е и 8-е около главного входа, тоже выходящие на площадь, точно так же всегда открыты. Комната занята комендантом и его помощниками, которые составляют в данный момент внутреннюю охрану. Их 13 человек, вооруженных ружьями, револьверами и бомбами. Ни в одной двери, за исключением нашей, нет ключей. Комендант и его помощники входят к нам, когда хотят. Дежурный делает обход дома ночью 2 раза в час, и мы слышим, как он под нашими окнами бряцает оружием. На балконе стоит один пулемет, а под балконом другой на случай тревоги. Не забудьте, что с нами будет доктор, горничная и маленький кухонный мальчик. Было бы низко с нашей стороны (хотя они ни в коем случае нас не затруднят) оставить их тут после того, как они добровольно последовали за нами в изгнание. Напротив наших окон по той стороне улицы помещается стража в маленьком домике. Она состоит из 50 человек. Все ключи и ключ № 9 находятся у коменданта, который с нами обращается хорошо. Во всяком случае известите нас, когда представится возможность, и ответьте, можем ли мы взять с собой наших людей. Перед входом всегда стоит автомобиль. От каждого сторожевого поста проведен звонок к коменданту и провода в помещение охраны и другие пункты. Если наши люди останутся, то можно ли быть уверенным, что с ними ничего не случится?”

К нам попал в руки дневник Николая Романова за 1917 и 1918 г. Под 10 июня 1918 г. записано: “Сегодня утром у нас открыли окно”; 14/6: “Мы провели беспокойную ночь и, не раздеваясь, бодрствовали”. Далее, под 28/6: “Около половины 11-го утра подошли к открытому окну 3 рабочих, подняли тяжелую решетку и укрепили ее снаружи в окне». 30/6 кончается дневник Николая Романова”».

Эта заметка «Вечерних Известий», по заявлению советских властей, представляла те «документы о заговоре» и «материалы и документы Николая Романова», в которых Янкель Свердлов оповестил своих коллег в заседании президиума 18 июля 1918 года и которые обещал разобрать и опубликовать «в ближайшее время».

Он исполнил обещание в апреле 1919 года.

Какова же ценность этих документов?

Прежде всего с точки зрения формы, слога и выражений, приведенных в этих документах.

Отчего о них так отзывается Олендорфом или каким-нибудь другим распространенным пособием для изучения какого-либо иностранного языка, составленным иностранным автором на русском языке? Отчего «офицер», желающий спасти бывшего Государя Императора и,

значит, оставшийся в душе верноподданным, обращаясь к нему, называет его только «Вы», «Вам», а не «Государь», «Ваше Величество» – ему более привычным и допустимым титулованием? Отчего он же называет наследника Цесаревича – Царевичем, что на русском языке не одно и то же; а в одном месте он просто называет наследника Цесаревича «маленький», как будто имел возможность, как и советские деятели, читать дневники Государя Императора и видеть там интимное ласкательное наименование, данное Государем нежно любимому сыну. Отчего, наконец, в этих документах как бы опять подсказывается до конца недоговоренная идея совершившегося в Екатеринбурге преступления, по сумасшедшей версии Чемадунова: Царь и его Семья вывезены; Боткин и все остальные брошены и погибли? – ведь такой план спасения вытекает из смысла обоих писем.

Какова же суть этих документов, фактическая сторона в них?

Окна дома, где содержалась Царская Семья, и вид из окон на улицы были загорожены двумя рядами сплошных заборов, высота коих доходила до верхних косяков окон, а местами даже до крыши. Внутренний забор отстоял от стены дома аршина на полтора, охватывая дом от окна комнаты коменданта у парадного крыльца до начала сада, выходявшего в Вознесенский переулок. Этот забор образовывал со стеной дома узенький, глухой коридор со входом только от парадного крыльца. При таких условиях, чтобы похитить через окно, надо было предварительно проломать заборы.

Из окон комнат через забор можно было видеть только узенькую полоску неба. О том, что дом, где жила наружная охрана, был маленький, могли знать видевшие его, но не Государь, который за заборами ничего не видел. О том, что от сторожевых постов, кроме звонков к коменданту, были проведены провода в помещение охраны и «другие пункты», могли знать их проводившие и дежурившие на постах, но не Государь, которому даже постов не было видно. Никакой сигнализации с проводами для сторожевых постов в действительности и не было, а был проведен только один звонок от часового у парадного входа в переднюю дома Ипатьева.

Вокруг дома Ипатьева стояли часовые от караула и, как отличный службист, Государь никогда не назвал бы их сторожевыми постами, что по уставу имеет совершенно другое значение. Внутренняя охрана помещалась в нижнем этаже, а не в комнате коменданта; в комнате коменданта ночевал только помощник, а Авдеев и Юровский утром приходили, а вечером уходили на свои квартиры. Дежурные два раза в час по ночам не обходили, да специальных дежурных и не было. Были разводящие, дежурившие по неделям, разводявшие смены каждые четыре часа.

О каких ключах и для какой цели говорит Государь и что это за ключ № 9? Сам же Государь говорит, что двери не запираются.

А мог ли Государь забыть, что спасению с ними подлежали не только Боткин, Демидов и Седнев, а еще Харитонов и Трупп? Забыли о них, вероятно, те, кто в Москве сочинял эти документы.

Особенно чувствуется фальшивость документов в тех фразах, которыми обрисовывается корреспондент: «офицер», русский офицер из состава организации белогвардейцев, для чего-то особенно подчеркивает в своем письме и старается убедить ожидающего спасения Государя, что «надеемся достичь нашей цели, не рискуя ничем», «я не считаю это непреодолимым препятствием», «будьте спокойны», «мы не предпримем ничего, не будучи совершенно уверены в удаче заранее» и подтверждает это торжественным обещанием «перед лицом Бога, истории». Разве, кроме того, вся эта фраза с «заранее» на конце и патетической клятвой похожи на русский слог, на русский дух и в особенности на дух офицера из организации?

Ну, а эта фраза в ответе Царя: «было бы низко с нашей стороны (хотя они ни в коем случае нас не затруднят) оставить их тут...» Чья она? Могла ли быть, при каких бы то ни было обстоятельствах, сказана устами Государя, русского человека, да при всем том прекрасно владевшего родным языком?

Но в то же время, косвенно упрекая «офицера» в низости за то, что он не предусмотрел необходимости спасти приближенных и преданных людей, письмо-ответ не забывает сказать про коменданта доброе слово, который «с нами обращается хорошо», поместить эту аттестацию, как придаточное предложение к указанию о месте нахождения ключей.

Таковыми представляются содержание и характер советских документов о раскрытых белогвардейских заговорах, имевших целью похищение Царской Семьи. Эти же документы, по заявлению Янкеля Свердлова, послужили для советской власти толчком и дали право покончить с бывшим Государем Императором, не дожидаясь предполагавшегося над ним народного суда. «Хотя, – говорит еврей Сафаров в своей статье, посвященной расстрелу бывшего Царя, на страницах газеты «Уральский рабочий» от 23 июля 1918 года, – при этом и были нарушены многие формальные стороны буржуазного судопроизводства и не был соблюден традиционно-исторический церемониал казни «коронованных особ»... но рабоче-крестьянская власть и в этом случае проявила крайний демократизм: она не сделала исключения для всероссийского убийцы и расстреляла его наравне с обыкновенным разбойником»...

Это заявление еврея Сафарова цинично, но, по крайней мере, откровенно. Из уст одного из главнейших исполнителей казни узнаем, что никакого суда над «Николаем Романовым» и не предполагалось: Янкель Свердлов просто соврал своим коллегам, побоявшись сказать правду. Еврей Сафаров оказался храбрее и наглее; он объясняет и причину, почему не предполагалось прибегать к суду: это не демократично, а «рабоче-крестьянская власть и в этом случае проявила крайний демократизм».

* * *

Так ли это? Действительно ли рабоче-крестьянская власть не сделала исключения для бывшего Государя Императора? Действительно ли она «расстреляла его наравне с обыкновенным разбойником?» На эти вопросы отвечает вся настоящая книга устами тех подлых еврейских и русских руководителей и тех несчастных и тупых злодеев, которые участвовали или видели «этот расстрел». Во всяком случае, приведенные официальные документы не являются правдивым материалом для русского судьи и историка, как хотел бы того Янкель Свердлов, и ни в коем случае не оправдывают главарей советской власти в их злых и гнусных деяниях. Совершенно обратно: документы эти наводят на мысль искать другие причины кровавым преступлениям лета 1918 года, независимо от того, существовали ли белогвардейские организации офицеров для спасения бывшего Царя и его Семьи или нет. Что офицерские организации вообще существовали, в этом, пожалуй, советские власти могли не сомневаться. Но чтобы деятельность их в отношении спасения заключенных могла потребовать от исчадия еврейского народа – Свердловых, Сафаровых, Войковых, Голощекиных, Юровских и российских себялюбцев – Лениных, Саковичей, Белобородовых – проявления от имени русского народа «демократизма», для этого документы советских властей «о заговорах» не дают никаких оснований. Документы Янкеля Свердлова в юридическом отношении лишь нагло-ложны и низко-подлы, как приписанные бывшему русскому Государю и русскому офицеру.

Что же дают документы «о заговорах» с нашей стороны? Существовали ли действительно организации для спасения Царской Семьи в Екатеринбурге, Тобольске или иных городах и пунктах и чем проявили тогда они себя?

Сложно и трудно было работать немногому остававшемуся в живых честному офицерству в этом направлении.

Участие высшего генералитета армии, руководителей и авторитетов офицерства почти в первых рядах Февральской революции, в отречении Царя от престола, в политическом развале армии и страны керенщиной сильно расшатало единство мыслей, чувств и мировоззрений этой сильной и относительно единодушной в былое время организованной корпорации. Революция

нарушила, смяла и осмеяла ее прежние основные принципы дисциплины, иерархии, взаимоотношения и законов сплоченности, ее национальные и духовные лозунги, и взамен прежнего ничего нового – морально и нравственно здорового – офицерство не получило.

Война влила в ряды офицерства много постороннего элемента – элемента, зачастую совершенно негодного в нравственном отношении, а демократические приемы Гучковых, Керенских и компании по углублению революции и реорганизации армии на революционных началах, с выдвижением в верхи офицеров, начальников по натуре каторжного, ссыльного и тюремного стажей способствовали еще более развалу офицерства. Трудность какого-либо морального, более или менее солидного объединения массы вне царивших разнообразных и шатких политических течений становилась почти непреодолимой.

Отсюда, среди оставшегося честного офицерства, развились, как основные черты, недоверие, замкнутость, осторожность в общении с другими офицерами и между собой и острая подозрительность ко всякого сорта и характера политическим деятелям, выбрасывавшимся революционной волной на арену деятельности из среды общей массы. С другой стороны, частью для так называемых временных джентльменов, а к ужасу, в большинстве для коренных генералов и офицеров создались чрезвычайно благоприятные почва и обстановка для достижения власти и значения легкими путями: лицедейством слова и провокацией положения. Достигнутые власть и влияние предоставляли таким военным элементам безответственно и часто безнаказанно творить свои собственные делишки под прикрытием громких, фальшивых принципов и лженациональных лозунгов.

После Октябрьского переворота офицерство, ушедшее из советской России, легко объединялось под флагом борьбы с Советами и большевиками, и, вероятно, в то время не существовало города в России, где бы не было тайной или явной такой, чисто боевой, офицерской организации. В эти организации офицерство шло охотно, мало думая о тех будущих политических принципах строительства государства, которые выдвигались разными создававшимися антисоветскими временными правительствами и правителями. Здесь этот вопрос отодвигался на второе место; импульсом движения была простая ненависть к чуждым русскому офицеру узурпаторам власти, носителям пятиконечной звезды; офицер вступал в привычную ему по понятиям, форме и духу зону, зону бойца, а не политического деятеля.

Совершенно, по-видимому, иная обстановка создавалась в деле организации офицерства для помощи или спасения бывшего Царя и Царской Семьи. Мало кто подходил к разрешению вопроса чисто только с человеколюбивой точки зрения. Почти каждый из числа помышлявших о спасении или похищении Царской Семьи носил в себе свои, лично им лелеемые политические принципы, клавшиеся в основу цели спасения и дальнейшего развития государственного строительства будущей, освобожденной России. Здесь каждый отдельный элемент организации являлся прежде всего носителем политических определенных идей, и они являлись для него доминирующими над всякими другими обстоятельствами и соображениями. Раскол, существовавший в монархической партии в дореволюционный период, пройдя через стадию двух революций, настолько развился среди интеллигентного класса, что белогвардейские организации рассматриваемых целей прежде всего натывались на затруднения в своем развитии из-за своих собственных монархических принципов. Как ни грустно и ужасно, но в будущем изложении, кажется, придется коснуться дела, когда одна организация, случайно подошедшая близко к разрешению вопроса спасения Царской Семьи, не выполнила такого по несочувствию в принципах среди части офицеров, с которой предполагалось работать. Среди молодежи искажение понятий и высоких принципов монархизма под влиянием революции дошло даже до уродства: один молодой офицер, например, утверждал, что если Бронштейна-Троцкого помазать на русское Царство миром, то он станет уже законным помазанником Божиим, и добавлял, что, хотя сам он не признает тогда Бронштейна русским царем, но бороться с ним перестанет.

Таковыми представляются политические условия группировки офицерства в организации для спасения Царской Семьи. К этому необходимо добавить, что недоверчивость и подозрительность честного офицерства вели к чрезвычайно осмотрительному, осторожному и тщательному выбору лиц для указанной цели. Обстоятельства требовали большой конспиративности и предусмотрительности как в самой организации, так и в деятельности ее членов, дабы не нарываться на провокации, измены, обманы, от последствий которых могла страдать не только сама организация, но главным образом те, которых хотели спасти. Эти условия приводили к чрезвычайной медлительности работы, требовали много времени для осуществления цели, а между тем события не ждали, быстро назревали и, наконец, разрешались раньше, чем организация могла предпринять что-либо серьезное для спасения Царской Семьи.

Указанные трения, затруднения и общие положения привели к тому, что за весь период революции среди честного офицерства Екатеринбурга создались всего две маленькие организации: одна – в период пребывания Царской Семьи еще в Тобольске, задавшаяся целью оказать Семье возможную помощь для облегчения условий жизни, и другая – уже во время пребывания Царской Семьи в Екатеринбурге, мечтавшая спасти Царскую Семью.

Вот что рассказывает о деятельности первой из названных групп один из ее участников, штабс-ротмистр С.

«Почти всю зиму 1918 года я провел в Тюмени, а в апреле, на 6-й неделе поста, поехал в Тобольск. На пути, в деревне Дубовно, верстах в 50–60 от Тобольска, мне повстречался поезд с Государем, Государыней и Великой княжной Марией Николаевной, которых комиссар Яковлев вез на Тюмень. Государыня узнала меня, узнала, как офицера Ее Крымского конного полка, и издали осенила крестом. Проводив глазами поезд, я поехал дальше на Тобольск. В Тобольске мне никого из Августейшей Семьи видеть не пришлось; я узнал, что делом помощи заключенным занимается местный священник о. Васильев и дня через три поехал обратно на Тюмень. Материальных средств у нас никаких не было, но мы думали, что найдем поддержку у частных людей».

Вот и все, что успела сделать горсточка безусловно честных офицеров в этот промежуток времени.

Представитель другой организации подполковник И. К. Л. рассказывает следующее:

«В мае 1918 года я был командирован из Петрограда в Екатеринбург от монархической организации “Союз тяжелой кавалерии”, имевшей целью спасение жизни Августейшей Семьи. В Екатеринбурге я поступил в слушатели 2-го курса Академии Генерального штаба и, имея в виду осуществление вышеуказанной цели, осторожно и постепенно сошелся с некоторыми офицерами-курсантами: М-им, Я-им, С-им, П-им, С-им. Однако сделать что-либо реальное нам не пришлось, так как события совершались весьма неожиданно и быстро. За несколько дней до взятия Екатеринбурга чехами я ушел к ним в состав офицерской роты полковника Румши и участвовал во взятии Екатеринбурга.

После этого в офицерской среде возникла мысль сделать все возможное для установления истины: действительно ли убит Государь Император».

Вот и все, что было по части частных офицерских организаций, руководившихся принципами национального характера и добрыми намерениями искренно помочь или спасти Царскую Семью. После расстрела бывшего Царя в городе говорили, что была раскрыта какая-то тайная монархическая организация, но никто из вышеназванных офицеров о ней ничего не знал, никто из них сам не пострадал и никто из них не слышал, чтобы вообще пострадал какой-либо другой офицер в городе за попытку спасти Царскую Семью.

Офицеры этих организаций, стремившиеся честно сделать доброе дело и действительно помочь заключенной Царской Семье, не кричали о своей деятельности, не шумели, не кичились своими связями в прошлом, не бахвалились своими намерениями и работой, и, кто знает, если бы Богу угодно было дать больше времени в их распоряжение – может быть, им и удалось

бы серьезно помочь несчастным узникам. Таких офицеров было мало, офицеров долга и чести; революция их слишком разбросала, обессилила и забила.

Но зато более многочисленными были группы иных офицеров-спасителей – продуктов и сынов революции. Быть может, в действительности ни в какие организации они не входили и никаких организаций у них не было, а существовали они только у них на словах. Эти офицеры отличались бахвальством и чванством; шумели о своей деятельности где только могли; кричали чуть что не на всех перекрестках, входя во все откровенности с первыми встречными и не смущаясь того, что могли быть услышаны советскими агентами и властями. Последние, однако, как ни странно, совершенно игнорировали деятельность подобных типов, не преследовали крикливых заговорщиков, а иногда были даже в явных с ними сношениях.

Татьяна Евгениевна Мельник, дочь убитого доктора Боткина, проживавшая у отца в Тобольске, рассказывает об одной из таких организаций, на которую ей пришлось натолкнуться в Тобольске.

«Это было в семье одного купца-мясника, пасынок которого тоже мнил себя организатором и был явным противником отца Алексея (Васильева). Он очень много говорил о своей организации, состоявшей якобы из офицеров и союза фронтовиков...

Однажды мы были в гостях у этого организатора, где, кроме нас, его родителей и жены, был еще его зять, член совдепа...

Вдруг звонок; организатор сам бежит открыть двери, и возвращается с каким-то растерянным видом, и представляет нам господина I, открывающего в Тобольске кинематограф. При первом взгляде на него мы поняли, что кинематограф здесь ни при чем. Это был человек среднего роста, с маленькими холеными руками, с правильными чертами интеллигентного лица, с великолепным пробором и тщательно подстриженной бородкой. Его слегка картавое произношение обличало человека, привыкшего говорить на иностранных языках. Мы не знали, кто он, но сразу догадались об его петроградском происхождении, а он, очевидно, предупрежденный организатором, сел около нас с братом, начал разговор, сначала общий, потом постепенно переходя на рассказы из петроградской жизни: “Моя кузина княгиня Урусова”, “Вы знаете князя Кочубея?”, “Когда мы были на Высочайшем обеде”, “У нас в первой гвардейской дивизии” и т. д., без конца и без удержу, не замечая ужасных гримас организатора и насторожившегося члена совдепа. При второй встрече повторилось то же самое, так что бывшие у организатора гости предупреждали его: “Берегитесь, он не похож на варшавского мещанина”.

Понятно, что комиссары все его отлично знали, о чем, к его великому изумлению, ему и говорили, но тем не менее дали беспрепятственно выехать из Тобольска...

Когда Их Величество увезли из Тобольска, мы осведомились (у организатора), почему, собственно говоря, его организация не предприняла чего-либо против этого. “Вы не знаете, – сказал он нам, – мы ведь сорганизовались для спасения Алексея Николаевича”. Подошло время отъезда Великих княжон и Алексея Николаевича, и мы опять обратились с тем же вопросом к организатору. “Помилуйте, ведь не могли же мы себя обнаружить, ведь нас бы всех красноармейцы переловили...”»

К сожалению, таких организаторов-офицеров из той категории, которая во время войны получила определение «временные джентльмены», было в это время несравненно больше, чем бывших скромных и честных тружеников военного дела и долга. Большинство этих последних покоились смертью храбрых на полях Галиции, Польши и Пруссии, а немногие оставшиеся замкнулись под гнетом новых политических веяний и новых выскочек-нахалов.

Были и еще другого направления организаторы-офицеры, связывавшие также свою деятельность с именем Царской Семьи. Совершенно своеобразный и загадочный характер работы представителей этих организаций сильно походил на какую-то очень крупную и преступную провокацию и даже предательство по отношению к Их Величествам, и были они неуязвимы в

пределах советской России, пользуясь какой-то особой властью для выполнения своих тайных целей.

Проявила себя эта категория организаций вскоре после перевозки Царской Семьи в Тобольск и продолжала свою работу долго после разразившейся Екатеринбургской драмы, перенеся район своей темной деятельности на нашу территорию. Раскрыть в полной мере те явно преступные цели, к которым стремились эти загадочные организации, к сожалению, не удалось: оказалось, они пользовались значительной силой влияния и в наших пределах. Но добытый материал тем не менее достаточен, чтобы до известной степени осветить одну из мрачайших сторон нашей общественной жизни последних лет, много помогшей воцарению в России иудо-русской власти.

Эта организация имела и сейчас еще имеет обширные связи как в рядах советской и антисоветской среды России, так и за границей. Руководящий центр ее был первоначально, после Февральской революции, в Петрограде и был представлен, главным образом, людьми той категории высокого света, которые, в сущности, не принимались в интимный круг Императорской Семьи, но образовывали класс придворных 2-й категории и наполняли Петроград многочисленными безответственными светско-политическими кружками, стремившимися закулисно влиять на всю историческую жизнь России. После Октябрьского переворота этот центр перекочевал в Берлин и продолжал оттуда руководство своими агентами в России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.